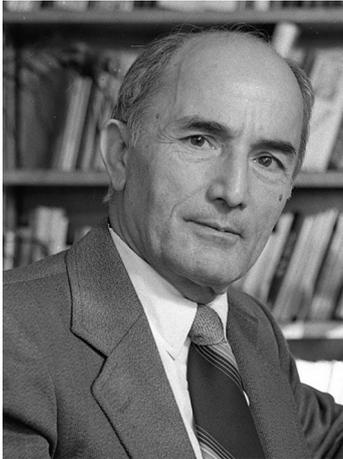

УБЫХИ И ИХ ЭТНО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ С АБХАЗАМИ¹

В той мозаике племен и народностей, которые объединяются в абхазо-адыгскую группу, особое место по ряду своих этнокультурных признаков занимают убыхи². Поэтому всестороннее изучение того положения, которое им принадлежит в среде родственных племен, имеет важное значение, в частности, для исследования сложной проблемы этногенеза и этнической истории народов Северо-Западного Кавказа. Убыхами, жившими в районе Сочи, интересуются, однако не только ученые-кавказоведы, но также и многочисленные отдыхающие гости, в том числе зарубежные, приезжающие круглый год на этот крупнейший в СССР приморский бальнеологический и климатический курорт.

В ранних, да и более поздних исторических источниках очень мало сведений об этой маленькой, во многом загадочной народности. У Псевдо-Арриана (V в.) упоминается **р. Брухонта**, «ныне называемая, как он пишет, Мизигом»³. Может быть, это совр. р. Мдзымта, протекающая вблизи границ быв. Убыхии? Возможно, что **брухи** византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского, локализуемые им между абасгами и аланами, являлись предками убыхов. Но подобные слишком отрывочные и сомнительные сведения почти ничего не дают о прошлом изучаемого народа.

Такая исключительная ограниченность и противоречивость

¹ В основу этой статьи положены доклады, прочитанные автором на I Туапсинской краеведческой географической конференции 4 октября 1964 г. и на Бакинской сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года (см. «Тезисы докладов» этой сессии, Баку, 1965, с. 200).

² **А. Фадеев.** Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе. «Исторический сборник», 4, Ленинград, 1935, с. 137.

³ **Прокопий из Кесарии.** Война с готами. М., 1950, сс. 380, 382-383.

источников делают убыхскую проблему сложной и запутанной, хотя уже давно в той или иной степени ею занимаются видные отечественные и зарубежные ученые (Ф. Дюбуа, Ф. Торнау, Д. Белл, А. Берже, С. Званба, Л. Люлье, Л. Лопатинский, П. Услар, А. Дирр, А. Генко, С. Джанашиа, А. Фадеев, Л. Лавров⁴, И. Месарош, Ж. Дюмезиль, Г. Фогт и др.).

Одни авторы относили убыхов к адыгской этнической группе⁵, другие — к абхазам, а третьи считают их остатком некогда сравнительно большого и самостоятельного народа, подвергшегося в значительной своей части ассимиляции со стороны своих более сильных северо-западных и юго-восточных соседей, то есть адыгских и абхазских племен. Высказывались также предположения, что убыхи представляют собой заброшенный каким-то образом на Кавказ обломок эллинистического мира и т. д.

Не вдаваясь в подробности длинной истории вопроса, хотелось бы бросить беглый взгляд хотя бы на некоторую часть той довольно значительной, главным образом русской, а также иностранной литературы, которая посвящена убыхам.

Так, например, не мог пройти мимо убыхов Фр. Дюбуа, французский ученый, путешествовавший по Кавказу в начале 30-х годов прошлого века. В частности, он провел в Геленджике четыре недели, но не имел возможности тщательно описать земли убыхов, так как свои наблюдения за морским берегом от Геленджика до Гагры ему приходилось вести уже со стороны моря, находясь на судне. Однако у него было много карт, а вместе с тем он мог пользоваться и услугами местных информаторов, помогавших ему в его стремлении «правильно уловить названия местностей и их взаимное расположение»⁶.

Племя убыхов (или убухов) Дюбуа помещает на морском берегу от р. Туапсе (пограничной реки между убыхами и шапсугами) до селения Фагурки (Хаморка Шардена), на берегу р. Сега. «Им принадлежат две долины — Сепсе и Сучали», — пишет он и упоминает приморский убыхский аул Дзиаше

⁴ Л. И. Лавров. Этнографический очерк убыхов. «Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», т. VIII, Майкоп, 1968.

⁵ В народе, в частности, среди некоторых западноадыгских племен и теперь распространено представление об адыгском (черкесском) происхождении убыхов. «Убыхи (убыхэ) — это были шапсуги, результат разделения шапсугов», — сказал нам летом 1962 года 82-летний шапсуг Хуцыку Нагучев из сел. Агуй Туапсинского района.

⁶ Ф. Дюбуа. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми. 1937, с. 88

между реками Сепсе (Шепси?) и Соча (Сучали). Далее он мимоходом замечает, что «убыхи одинаковы с шапсугами». При этом, однако, Дюбуа впадает в некоторое противоречие, так как утверждает, с одной стороны, идентичность убыхов с шапсугами, а с другой, включает земли убыхов в абхазскую Джихетию⁷ («Соча - самая многоводная река Джихетии»)⁸. Вместе с тем для него характерно широкое понимание пределов средневековой Абхазии. В частности, он указывает, что по р. Никопсис, где сохранились упоминаемые Константином Порфирородным остатки крепости того же названия, проходила в X в. граница между зихами и Абасгией — «могущественной страной, которая распространялась далеко на север за Гаграми, охватывая часть Джихетии»⁹.

Большое значение имеют высказывания П. К. Услара. Об этом будет сказано и ниже. Здесь же следует только отметить, что он одним из первых научно доказал самостоятельность убыхского языка. Вместе с тем, имея в виду несчастную судьбу убыхов и запутанность их проблемы, Услар еще сто с лишним лет тому назад выражал свои опасения на счет быстрой разгадки этого племени. Это видно из следующих его слов: может быть, писал он, «около тридцатых годов XX в. можно ожидать разрешения вопроса, но не знаю, отыщется ли тогда кто-нибудь знающий по-убыхски»¹⁰. Услар полагал, что многие прикубанские и причерноморские черкесские племена покоятся ныне на «кладбище народов», ибо сохранились лишь их жалкие остатки. Очевидно, что при этом он имел в виду раньше всего убыхов.

Л. Я. Люлье, который является одним из наших лучших осведомителей по убыхам, сперва относил убыхов к черкесам, но потом, под влиянием сделанных Шегреном возражений, изменил свою первоначальную

⁷ Ф. Дюбуа. Указ. соч., с. 89

⁸ Следует также заметить, что Фр. Дюбуа, говоря о том, что только начиная со страны, обитаемой убыхами и племенами Сочи, начинается возделывание винограда, допускает (может быть случайное) противопоставление убыхов и «племени Сочи». И вообще мы должны иметь в виду, что нам приходится иметь дело часто с неопределенностью, расплывчатостью многих социальных и этнических терминов, которыми пользовались в старой этнографической литературе по Кавказу. В ней приходится с осторожностью относиться к определениям «народ», «племя» и т.д. Например, тот же Фр. Дюбуа насчитывает до пяти отдельных племен и народностей на узком отрезке пространства от Мамаи до Гагры: **шапсуги** до аула Мамай; за ними вдоль морского берега следуют **убыхи**, которые, говорит он, распространяются только до селения Фагурки, подымаясь не выше гребня горной цепи и не опускаясь на другой склон; далее идет племя **саша**, обитающее на мысу Зенги и до р. Камуишелар; самостоятельным племенем он считает и **Ардону**, характеризуемое как последнее черкесское племя на юго-востоке вдоль берега Черного моря, вплоть до Гагра, где оно граничит уже с **абхазами** (Фр. Дюбуа. Указ. соч., сс. 88-90, 145).

⁹ Там же, с. 87

¹⁰ П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис, 1887, с. 82.

классификацию. Убыхи, писал он, имеют «свой особенный язык, не сходный ни с языком адиге, ни с абхазским. Это ныне язык черни, употребляемый преимущественно между простолюдинами, живущими в горных ущельях и у берега моря. Это наречие выходит из употребления и со временем исчезнет. Дворяне убыхские все говорят адигским языком, но многие из них и простолюдинов, в этом крае, находясь по топографическому положению своему в соседстве к югу с абхазцами, говорят также свободно и на языке своих (южных) соседей»¹¹. По Евл. Челеби, племя садша имело еще и свой собственный язык — «язык садша-абхазов»¹².

Немало внимания уделял убыхам А. Н. Генко. Изучив тщательно имевшиеся в его распоряжении материалы по убыхскому языку, он приходит к выводу, что убыхи представляли собой некогда более значительную этническую группировку, сокращавшуюся в течение веков под влиянием абхазского и черкесского языков. Считая северной границей абхазского языка Гагрский хребет, он предполагал, что, в частности, садзы были убыхского происхождения, допускал «вероятной первоначальную принадлежность джигетов-садзен к убыхам, с последующей сильной абхазизацией». По его мнению, сообщаемый Евл. Челеби лингвистический материал «доказывает убыхское происхождение садзен-джигетов»¹³. Одним словом, согласно А. Н. Генко, скрещения, инфильтрации и другие различные этнические факторы привели к вытеснению убыхского языка абхазским и черкесским¹⁴.

Из числа тех авторов, которые приписывали убыхам абхазское происхождение, сближали их с абхазской этнической группой, следует назвать в первую очередь ген. Н. Раевского¹⁵ (с учетом его некоторого

¹¹ Цит. по А.Н. Генко. О языке убыхов. «Известия» АН СССР, № 3, Л., 1928, с. 231.

¹² Евл. Челеби. Путешествие турецкого туриста по восточному берегу Черного моря. ЗООИД, т. IX, 1875, с. 181.

¹³ А. Н. Генко. Указ. соч., с. 235.

¹⁴ «В середине XVII в., - писал А.Н. Генко, - джигетские садша, и теперь еще именуемые по-абхазски сазау, говорили на убыхском языке. Это служит блестящим подтверждением, естественно возникающему при взгляде на карту, относительно северной границы абхазского языка: она должна была проходить там, где природные условия провели резкую черту, именно в районе Гагринского хребта, разделяющего кавказское побережье Черного моря на две части – северную убыхо (- джигето) – черкесскую и южную – абхазо-мегрельскую. Иллюстрированный выше немногими примерами хаос, царящий в специальной литературе по этому вопросу, результат позднейшего сложного процесса скрещения различных этнических факторов, сталкивавшихся на побережье, приводившего к постепенному вытеснению убыхского языка, сужению сферы его распространения при параллельной этому процессу инфильтрации абхазских и черкесских слов в убыхскую речь» (А. Н. Генко. Указ. соч., сс. 240-241).

¹⁵ К ним принадлежал и Н. Альбов. «По словам хакучей, - пишет он, - у убыхов было два языка – один общечеркесский, адиге, общераспространенный среди них и более всего употреблявшийся, а другой – свой собственный язык, которым они пользовались тогда, когда желали, чтобы их не поняли другие

заблуждения в отношении этнической природы джигетов). В своем «Описании Черноморской береговой линии», составленном им в 1839 году в результате непосредственных личных наблюдений, он отличает абхазов (азега) от племени джигетов, занимавших, по его словам, территорию так называемой Малой Абхазии – от Гагры до р. Хосты. Вместе с тем к джигетам, то есть к народу, как мы знаем, несомненно, абхазского происхождения, он причисляет общества Вардане, Саше и собственно Убых. Иными словами, по Раевскому, все убыхское население, состоящее из трех названных здесь обществ, относится к джигетам, то есть к одному из западноабхазских племен.

Вопросы национально-освободительного движения народов Западного Кавказа, их социально-экономической и культурно-политической истории нашли свое яркое отражение в ряде работ одного из крупнейших советских историков Кавказа А. В. Фадеева. В частности, убыхам он специально посвятил названный выше блестящий очерк.

Значительное место занимают убыхи в трудах ряда европейских ученых. Среди них наибольший интерес представляют исследования и публикации филологов — француза Ж. Дюмезиля, норвежца Г. Фогта, венгра И. Месароша и др.

Собственно абхазоведы и адыговеды, которые, казалось бы, больше всего могли сказать об языке и истории убыхов как ни странно, до сих пор мало обращали внимание на эту проблему, имеющую важное значение и для изучения прошлого соседних с убыхами народов, прежде всего Абхазии и Черкессии.

Автор этих строк, не претендуя на восполнение целиком указанного существенного пробела в абхазоведной литературе, ставит себе ограниченные задачи. Они связаны, главным образом, с выяснением территориального и этнического содержания термина «убыхи», а также этнокультурных взаимоотношений убыхов с их ближайшим юго-восточным соседним родственным народом — абхазами. Исходя из этого, главной

черкесы, например, находясь в плену. Этот последний язык носил у них название **абзабы...** **Абзабы** есть слово абхазского происхождения, состоящее из 2 слов: апс и абзы, и значит оно в русском переводе абхазский язык (апсуа – абхазский, абз – язык). Таким образом, ...можно, кажется, теперь сказать с уверенностью, что убыхи говорили именно абхазским языком – вероятно каким-либо особым наречием его, вроде того, какое существовало у других абхазских народцев, обитавших в горах Черноморского округа и Кубанской области (Медозной, Садзен, Там и пр.). (**Н. Альбов.** Ботанико-географ. исслед. в Зап. Закавказье в 1893 г. ЗКОРГО, кн. XVI, Тифлис, 1894, сс. 141-142.)

целью настоящей работы является, во-первых, по возможности точное определение того географического положения, которое занимали убыхи в первой половине XIX в.— перед их поголовным выселением в Турцию в 1864 году, а во-вторых, выяснение некоторых этно-культурных особенностей интереснейшего в научном отношении кавказского племени по сравнению с родственными ему абхазским и адыгским народами.

Однако решение этих задач связано с немалыми затруднениями. Трудность установления точных территориальных пределов распространения убыхов и границ их языка заключается не только в недостатке и противоречивости соответствующих источников, но и в определенной незавершенности процессов этнической консолидации и своеобразной непрерывности этнических переходов на данном участке Кавказского побережья.

II

Большой сложностью и пестротой отличалась этнографическая карта Черноморского побережья Кавказа еще в XIX в. Здесь мы находим две сравнительно большие лингвистические группы — картвельскую и абхазо-черкесскую (абхазо-адыгскую) с несколькими этническими и родоплеменными подразделениями в каждой из них. Абхазо-черкесская общность состояла в свою очередь из трех основных этнических групп: абхазской, убыхской и черкесской (адыгской).

Так, авторы прошлого столетия, например, английский тайный резидент Дж. Ст. Белл, который в 30-х г. XIX и. некоторое время сам проживал среди убыхов и приморских черкесов, указывает, что по берегу Черного моря, от Анапы до Мегрелии живут три народа, говорящие на трех различных языках: адыге (черкесы) - от р. Кубани до р. Буу (Бу), абаза (убыхи) — между Буу и Хамышом (Хостой) и азра (абхазы)—от Хамыша до границы Мегрелии. «Таким образом, — разъясняет П. К. Услар, — три языка восточного берега Черного моря, названные Белем: адыге, абаза и азра - следует называть: адыге, убых и абхаз»¹⁶.

Какую же, более точно, территорию занимали убыхи?

¹⁶ П. К. Услар. Указ. соч., с. 79

Центральная часть убыхской территории лежала, по Г.И. Филипсону, верст на 35 северо-западнее устья р. Мдзымта. Еще точнее, приморские убыхи занимали земли между речками Буу¹⁷ на западе и Хамыш (Хоста)¹⁸ на востоке, где проходила граница между убыхами и их юго-восточными соседями – садзами.

Следовательно, территория современного города Малые Сочи (собственно Сочи) находилась целиком в пределах убыхов. Причем указанная приморская полоса от р. Буу до р. Хоста подразделялась на два основных участка, или общества: Вардане на северо-западе и Сашсе, или Саше, на юго-востоке.

Н. Раевский и некоторые другие авторы собственно убыхов выделяли в особое общество, расположенное в горах, по ущелью р. Шахе¹⁹. Таким образом, во внутрь края территория убыхов в целом простиралась вплоть до Главного Кавказского хребта, отделявшего их от бассейна р. Белой.

Согласно рассказам самих убыхов (турецких), которые были записаны норвежским лингвистом Гансом Фогтом в 1963 году, убыхи на своей кавказской родине также занимали горную сторону (*du côté des montagnes*), в то время как абзахи (*les Abzakhs*) жили больше на равнине (*du côté de la plaine*), причем, истари живя рядом друг с другом, они имели постоянное общение между собой²⁰.

Для уточнения имеющихся литературных сведений мы во время кратковременного пребывания в Шапсугии в июне 1962 года обратились к почтенному жителю села Агуй Мусе Пшемафовичу Алльаль. И он по памяти нарисовал следующую картину расселения племен на северо-западном секторе Кавказа. От Таманского полуострова по берегу моря и выше в горах, - говорит он, - жило племя натхуадж (натхуаць), от которых ныне остались лишь 2 – 3 аула; они доходили примерно до р. Пшад, точнее до хребта Цвамчугвас (Цэамчубэас). Шапсуги занимали большую территорию – от р. Кубани через Главный Кавказский хребет они выходили широким клином к

¹⁷ Эта маленькая речушка, впадающая в Черное море, протекает в 4 – 5 км западнее совр. Лоо. Она и теперь называется Буу (есть там и деревня под этим же названием), второе ее название Суэпсе (ср. название реки Супса в Аджарии).

¹⁸ Эта речка, протекающая через одноименное культурное местечко, впадает в море западнее р. Мдзымта.

¹⁹ См., например, «Карту к описанию военных действий Даховского отряда на южном склоне Кавказских гор в 1864 г.» и «Военно-историческую карту Северного Кавказа...», составленную Е.Д. Фелициным (в отделе истории Сочинского краеведческого музея).

²⁰ Ганс Фогт. Словарь убыхского языка. Осло (Лимож), 1963, с. 53 (на фр. яз.)

Черному морю и тянулись по берегу до р. Туапсинки. Вот это была страна Шаапсыг (Шаапъсыг). От р. Туапсинки на юго-восток (к границам Абхазии) жили абадзехи (абзах, абзэх). За ними по ущельям отрогов Кавказского хребта обитали **убыхи** (по-шапсугски «убых»). От убыхов к западу по хребту жили хакучинцы (хакуцэ), где до сих пор сохранилось название: «Место, где молились хакучи». За хребтом жили бесленеевцы (басльани), а дальше — нагвей (набъеи)²¹.

Таким образом, убыхи в середине XIX в. населяли бассейны рек Шахе, Сочи, Хамыш (Хоста), Бзыч (приток р. Шахе) и других мелких ручьев, протекающих в приморской полосе между Шахе²² и Хостой. Их непосредственными или ближайшими соседями являлись: на юго-востоке — абхазское племя джигетов (садзуа), подразделявшееся, в свою очередь, на две основные группы: береговых джигетов и горных (аибга, ахчипсы и чужгуча, известные под общим названием медовеевцев); на северо-востоке, со стороны северного склона Кавказского хребта, к убыхам примыкали разные адыго-абазинские общества, а на севере, северо-западе и западе — адыгейские племена натухайцев, шапсугов и абадзехов (абдзахи).

Но была ли р. Сочи «сердцем земли убыхов»²³ на всем ее протяжении? Иными словами, всегда ли земли собственно убыхов, населявших в основном южные склоны, между р. Суэпсе (Буу) и р. Хаджиепс (совр. Якорная), доходили и до самого побережья? Не контактировали ли некогда на этой узкой приморской полосе абхазские и черкесские племена непосредственно, без убыхского связующего звена?

Трудно безоговорочно решить этот вопрос при нынешнем состоянии его изученности. При всем том следует все-таки учитывать, что некоторые авторы, в том числе и картографы, совершенно недвусмысленно помещают собственно убыхов в горных ущельях, в некотором удалении от морского берега.

Так, например, барон Розен, лично объездивший северо-западное побережье Кавказа, в своем отношении к гр. Чернышеву писал 26 июня 1837 года, что «убыхи обитают в горах за р. Сочею»²⁴. В верховьях р. Кодес

²¹ Муса Пшемафович Алльаль, 1897 г. р., с Агуй Туапсинского района; записано автором 25 июня 1962 г.

²² В качестве западной границы Убыхии у одних авторов фигурирует р. Шахе, а у других — Буу.

²³ А. В. Фадеев. Указ. соч., с. 159.

²⁴ АКАК, т. VIII, ч. II, Тифлис, 1881, с. 875.

(Кодеш), в 6-ти верстах от форта Головинского находился в узком ущельи одноименный («Кодеш») убыхский аул, уничтоженный в середине XIX в. войсками ген. Вагнера²⁵. По словам Ф. Щербины, «в двух местах по верховьям рр. Псекупса и Пшиша жило в небольшом количестве особое племя — хакучи, отрасль убыхов»²⁶. На карте Д. Белла убыхи также помещаются у самого хребта, в то время как вся прибрежная полоса занята у него натухайцами, абазами и азрой. Но белловские абазы, жившие у моря в районе Сочи, представляли собой убыхское племя, несколько отличавшееся, вероятно, от собственно убыхов - жителей гор. При этом значительная часть убыхов, населявших приустья р. Шахе, фигурирует в различных описаниях под именем «субашинских», ибо Шахе иначе называлась Субаш.

Таким образом, в середине XIX в. убыхи, как и другие родственные им соседние племена, делились на приморских (белловские «абаза») и нагорных (собственно убыхи) жителей. Эти последние очевидно имеются в виду и в рассказе «Обманутый обманщик», записанном недавно Г. Фогтом со слов турецкого убыха Т. Есенджа. Этот рассказ начинается так: «Когда когда-то убыхи жили в Черкессии, они жили в горах, в то время как абзахи (Abzakhs) жили внизу, на равнине. Живя по соседству, друг с другом, они постоянно общались»²⁷.

Можно предполагать, что какая-то часть убыхов проживала и на северной стороне от Главного Кавказского хребта, если не постоянно, то, по крайней мере, в летние месяцы, так как они из года в год пасли свои стада в стране своих непосредственных соседей — абадзехов²⁸, которые занимали бассейны рек Белой и Пшиш.

Сочинский эрудированный краевед-энтузиаст В. М. Валуйский в своей интересной рукописной работе «Некоторые вопросы топонимики, истории и исторической географии Восточного Причерноморья» придерживается того мнения, что собственно убыхи до XVII — XVIII вв. жили на северных склонах Кавказского хребта (у верховьев рек Белой и Пшехи) и только на рубеже XVIII — XIX вв. они отвоевали у джигетов южные склоны и побережье

²⁵ «Кавказ», № 4, 16 января 1851 года.

²⁶ Ф. А. Щербина. История Кубанского казачьего войска. Т.И. Екатеринодар, 1913, с. 14.

²⁷ Г. Фогт. Указ. соч., с. 53-54.

²⁸ АКАК, т. X, ч. II, с. 682.

Северо-Западного Кавказа (между реками Шахе и Хоста), хотя не все приморские аборигены были вытеснены с этой территории.

Это мнение (о пребывании убыхов на Сев. Кавказе до конца XVIII в. и последующем завоевании ими территории совр. Большого Сочи, а также о их этнической неоднородности) заслуживает внимания, но пока научно доказанным считаться не может, ибо в имеющихся исторических источниках не находит себе достаточного подкрепления. В частности, ни один из наиболее осведомленных авторов, таких, например, как Д. Белл, Ф. Торнау, П.Услар, С. Званба, Л. Люлье и др., ничего не говорит о северном происхождении убыхов, а наоборот, все они подчеркивают, что убыхи населяли побережье, местами «смешанно с шапсугами», как писал Ф. Торнау. Если убыхи действительно пришли из-за гор сравнительно лишь недавно, то где именно они обитали до этого и почему не оставили там, за хребтом, следов своего столь длительного пребывания (например, в топонимике или исторических преданиях самих убыхов или их непосредственных соседей, с которыми находились в постоянном контакте), каковы причины их переселения и как удалось такому маленькому народу покорить и ассимилировать более многочисленное прибрежное коренное население, — пока все подобные вопросы и сомнения не получают убедительного разрешения или объяснения, нам остается продолжать считать убыхов аборигенами Северо-Западного Закавказья.

Во всяком случае, в XIX в. (до 1864 г.) убыхи жили в районе совр. Сочи, подразделяясь внутри себя на следующие основные группы: собственно **убыхи**, занимавшие верховья р. Сочи, **субаши** на нижней части бассейна р. Шахе (Субаши), **вардане** в урочище Вардане (приустье р. Лоо) и, наконец, **садша** — в районе современного города Сочи (отсюда и происходит название этого города). Некоторые авторы из-за трудностей этнического и территориального разграничения отдельных близко родственных племен в состав прибрежных убыхов включали, по-видимому, и значительный процент западно-абхазского племени садзов. По приблизительным подсчетам, очерченная территория занимала около 1 000 кв. км.

Точное количество убыхов неизвестно. В различных источниках приводятся разные цифровые данные — от 12 до 40 и больше тысяч. Исходя, однако из того, что, по данным С. Званба, они могли выставить

до 3000 вооруженных воинов, а по другим сведениям даже до 8000, общая их численность в середине прошлого столетия достигала свыше 40 тыс. человек²⁹, если не больше³⁰. По данным А. Берже, с 1858 по 1865 год выселилось убухов 74 456 человек³¹. Л. П. Лавров думает, что более правдоподобной цифрой следует считать 25 000 чел.³².

Перейдем к абхазо-убыхским этническим и культурным связям.

III

На Кавказе, который древние недаром называли «горой языков», встречаются малочисленные народности со своими особыми языками, живущие или жившие на весьма ограниченной территории (иногда в основном только в одном географически изолированном горном ущелье или даже селении). Достаточно вспомнить Дагестан, где и в настоящее время насчитывается около 30 народностей и этнографических групп с самостоятельными языками (или диалектами), в том числе, например, цахуры (6 тыс.) и рутульцы (7 тыс.), причем название последних произошло от названия Рутул — наиболее крупного их селения³³.

В Закавказье подобную, хотя и не столь ярко выраженную картину этнолингвистического разнообразия и пестроты мы наблюдаем, пожалуй, только здесь, на убыхской земле и прилегающих территориях, на стыке двух сравнительно больших языковых групп — абхазской и адыгской, между которыми «вырос» родственный им, но самостоятельный убыхский язык.

Этно-лингвистическая принадлежность убухов не вызывает уже споров. Убухи представляют собой небольшой, но самобытный коренной кавказский народ абхазо-адыгской группы. Только в этом аспекте имеет смысл отождествление или сопоставление убухов с ахеями и гениогами античных источников, которое иногда встречается в литературе начиная с XIX в.

²⁹ А. Фадеев. Указ. соч., с. 137.

³⁰ По данным Новицкого, в 1830 г. убухов насчитывалось 2 000 дворов, 40 000 душ обоего пола (Ф.А. Щербина. Указ. соч., с. 13).

³¹ А. П. Берже. Выселение горцев с Кавказа. «Русская старина», СПб., т. XXX, 1882, сс. 164 – 165, 352.

³² Л. И. Лавров. Указ. соч., с. 6

³³ «Народы Кавказа», т. I, М., 1960, сс. 537, 546.

Однако абхазо-убыхо-адыгские этно-культурные связи находятся в таком сложном органическом сплетении между собой, что подчас очень трудно определить, где кончается одна и начинается другая из поименованных этнических групп с ее отдельным языком и культурой.

Не совсем понятно, прежде всего, происхождение и значение утвердившегося в литературе этнонима «убых» (по Дюбуа - «убух»), употребляемого как общее обозначение всей промежуточной между абхазами и черкесами этнической группы. Так называли изучаемое племя западные черкесы (уббых; некоторые шапсуги говорят «убых» «убыхэ»)³⁴. По словам П. Услара, существовало и другое адыгское название убыхов — «апчиохы» (апчјохы). А по поводу самого термина «убых» он писал: «Название убыхов перешло к нам от черкесов, которые называют их уббых; сам себя народ этот называет апёх (апјох) или, лучше сказать, пех (пјох). Происхождение этого названия нельзя объяснить. Замечу только, что аппё (апјо) значит дверь³⁵, апјохое—река»³⁶.

По Л. Люлье, население между натухайцами (натухажцами) и джигетами у черкесов было известно под двумя названиями: прибрежных они именовали абадзэ («абаза» Дж. Белла), а живших на верховьях рек в горах — убыхами³⁷. Возможно, что это последнее имя, распространенное и на соседние общества, происходит от местного топонимического названия. Такое утверждение содержится, в частности, в одном архивном рукописном документе XIX в., где мы читаем следующее: «Из жителей гор большая часть называется по имени урочищ, ими занимаемых, как например, убыхи от урочища Убых³⁸. В словаре Г. Фогта, наряду с «уббых», «аубых», находим также этнический термин «твахы» (t°axэ) как самоназвание убыхов³⁹.

Л. И. Лавров, отмечая, что русское название «убыхи» происходит от адыгейского «убых», что, по словам П. Услара, у адыгейцев будто бы существовал для обозначения этой народности и другой термин — «аптэхчүэ»⁴⁰, пишет: «Под убыхами в узком смысле слова было известно

³⁴ М. П. Алльаль, 1897 г. р., и Хуцыку Нагучев, 82 года, оба из сел. Агуй Туапсинского района.

³⁵ П. К. Услар. О языке убыхов, сс. 72, 75 (прил. к кН. «Абхазский язык»).

³⁶ С этим наиболее авторитетным высказыванием не согласуется утверждение Х. С. Бгажба о том, что сами убыхи называли себя «сшача». (Х. С. Бгажба. Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии. «Труды Абхазского института...», Сухуми, 1956, XXVII, с. 301).

³⁷ А. Н. Генко. Указ. соч., с. 230.

³⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, №301, д.414, л.36.

³⁹ Г. Фогт. Указ. соч., с. 195, 203.

⁴⁰ П. Услар. Черновые заметки о черкесском языке. Абхазский язык. Тифлис, 1887, с. 72

только население верховий рек Шахе и Сочи, где, между прочим, одно из урочищ носило название «Убых — дуэхъоа», т. е. «поляна Убых». Сами себя убыхи называли термином «дуыхъы», где первое «д» представляет собой звонкий губной дрожащий звук»⁴¹. Автор, к сожалению, не указывает источник, откуда взят им этот любопытный этноним. Но если последний зафиксирован правильно, то слово в целом по-абхазски можно передать как «дэхуаа» и тогда может быть сопоставлен с такими абхазскими топонимами, как Губаа-двы (Губаа-дэы), где «дэ» как по своему фонетическому облику, так и семантике совпадает с убыхским и означает «поляна».

Одним словом, перед нами определенный разнобой и путаница как в отношении названия убыхов соседними народами, так и их самоназвания: по П. Услару, черкесы их называли «убых» (или «апчихы»), по Г. Фогту — «убых» (или «аубых»), по Л. Люлье — прибрежных жителей называли «абадзэ», а горных — «убыхами», по Д. Беллу — «абаза» и др. Как самоназвания убыхов выступают также разные термины: согласно П. Услару они называли себя «апэх» (или «пэх»), а по Г. Фогту — «твахы»⁴². Нужны дополнительные материалы и исследования, чтобы разобраться в этой системе названий и самоназваний. Необходимо при этом иметь в виду и то, что убыхи называли свой язык «абза бзы», то есть «языком абзов», «языком абаза».

Такая пестрота объясняется, надо полагать, тем, что наряду с общим названием или самоназванием народа существовали и названия отдельных его частей, которые иногда распространялись на всех убыхов вообще.

Так, современные абхазы не знают названия «убых», и они используют для обозначения убыхов, как отмечал еще Л. Я. Люлье, название одного из абхазских племен — садзуа⁴³, а также фамильное имя двух знатных убыхских родов — Агухоуа⁴⁴ и Аублаа. Последний, как можно судить по топонимическим данным, занимал территорию современного гор. Сочи, то есть центральную часть приморских убыхских земель. Род Аублаа пользовался у абхазов большой известностью и почетом, как об этом

⁴¹ Л. И. Лавров. Указ. соч., с. 6.

⁴² Это подтверждается и тем, что страна убыхов называлась абхазами (точнее, вероятно, садзами) — Туахы, о чем читаем в одном описании XIX в. (см. ст. «Черкесы — Адыге и западно-кавказские горцы...» в «Кубанских областных ведомостях», 1884, № 50, с. 22, XII).

⁴³ А. Н. Генко. О языке убыхов, с. 232.

⁴⁴ «Агвхаа» А. Дирра (см. его «Список имен...», СМОМПК, в. 44, 1915).

свидетельствует, в частности, одна старинная их поговорка: «Аублаа тебя посетил?» (Аублаа дугазма?). Смысл ее такой: «Разве у тебя гостил такой почетный человек?» Примерно такое же значение имеет и другое абхазское выражение: «Кто ты, сын Аублаа, что ли?» (Уара узустада, Аублаа уиҭоума?).

Вполне может быть, что с родами Аублаа и Агухоу генетически связаны мегрельская теперь фамилия Убилава, проживающая в настоящее время в южной Абхазии и, особенно, в соседней Мегрелии (что еще нуждается в доследовании) и абхазские фамилии из селений Дурипш и Джгерда (Агухоу, Агухуа).

В связи с приведенным выше самоназванием убыхов («апѣх» или «пѣх») следует отметить, что в центральной части Абхазии, к западу от горы Большой Гуарап одна гора известна абхазами под именем Пех, Пехь, Пеху, где, между прочим, имеются замечательные пастбищные места и развалины «оград ацанов»⁴⁵, а один из перевалов называется Пхьау (Гхьау). Кроме того, в ряде других абхазских терминов, например, «аҭхьа» — впереди, вперед, «аҭхьара» — стоянка для ночлега, а также в наименовании грузинами абхазов (апхазы) мы находим, возможно, тот же наличный в самоназвании убыхов корень «пх», значение которого не поддается пока определению.

Абхазские племена убыхам были известны точно также под разными именами: «азиа», «зиа»⁴⁶, «адзыге» (азыҭуѣ) или «басхыг» (басхыҭ), как назывались адыгами, по Услару, все абхазы, жившие по северную сторону Главного Кавказского хребта. Основа «бас» в последнем слове очевидно представляет собой сохраненный убыхами корень, восходящий к древнему этнониму абхазов (бас, пас). От «адзыге» происходит, по мнению Услара, этноним «азра», которым Белл и другие авторы XIX в. называли абхазов. А. Генко считал, что слово «адзыге» одного происхождения с черкесским «азега»⁴⁷.

⁴⁵ Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки. Сухуми, 1962, сс. 114, 115, 163, 164.

⁴⁶ «Azya – abkhaze, abaza...» (Г. Фогт. Указ. соч., с. 86.

⁴⁷ А. Н. Генко. Указ. соч., с. 234.

Важнейший источник наших сведений об убыхах — это их фольклор и язык, который является предметом пристального внимания и изучения отечественных и зарубежных ученых.

Так, в 1861 году, находясь в Нижнеабдзехском отряде в Адыгее, близ Майкопа, один из первых исследователей убыхской проблемы, известный русский кавказовед П. К. Услар написал очерк убыхского языка под названием «О языке убыхов», напечатанный в 1887 г. в виде приложения к его книге «Абхазский язык». Очерк, составленный при содействии природного убыха, 14-летнего сына знатного убыха Хаджи-Дегумок Берзека, остался незаконченным. К сожалению, занятия убыхским языком неожиданно были прерваны ввиду исчезновения из лагеря юного убыха, который убежал «чтобы не отставать от своих в перестрелке с русскими»⁴⁸.

П. К. Услар определял убыхский язык как самостоятельный, хотя и «агонирующий», как «промежуточный» между абхазским и адыгским языками. Характеризуя словарный состав убыхского языка, он указывал, что его лексика включает в себя множество слегка лишь переименованных абхазских и адыгских слов. В частности, убыхский счет также представляет собой смесь адыгского с абхазским. Судя по лексике, можно было бы и вовсе отрицать существование отдельного убыхского языка, но, подчеркивает далее Услар, самостоятельность этого языка «обнаруживается при самом поверхностном даже обзоре грамматических форм его»⁴⁹.

Все источники, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что убыхи являлись отдельным племенем или народностью, хотя ни у кого не вызывает сомнения ближайшее их родство и с абхазами, и с черкесами. Склонный несколько преувеличивать разницу между абхазским, убыхским и черкесскими языками, Услар писал в другом месте: «Языки абхазский, убыхский и адыгский составляют одно семейство, но взаимная разница между ними более значительна, чем например, между русским и португальским. С удивлением прочел я в №29 газеты «Кавказ» на нынешний год, что убыхи суть адыгского племени. В статье г. Молье... самым положительным образом названы народом, особым от адыгов... Убыхи в виде

⁴⁸ П. К. Услар. Абхазский язык, с. 81.

⁴⁹ Цит. по А.Н. Генко. Указ. соч., с. 239.

народа, особого от адыгов и абхазцев, известны были уже в 1797 г. гр. Потоцкому»⁵⁰.

Убыхи и сами не смешивали себя с другими народами или племенами. И теперь еще те немногочисленные их остатки, которые живут в Турции, четко сохраняют сознание своей особой национальной принадлежности. «Мое племя (gase) есть племя убыхское. Мой род (famille) принадлежал к Зайшва (Zays'a), и я являюсь Зайшва», - так говорил Гансу Фогту в 1963 году в Турции один из лучших знатоков традиций и фольклора убыхов Тевфик Есендж⁵¹.

Ж. Дюмезиль пишет, что самому молодому из убыхов, живущих в Турции и еще говорящих на своем родном убыхском языке, «скоро будет 60 лет, а через небольшое количество лет от убыхского языка останется лишь одно воспоминание. С другой стороны, эти ценные свидетели существуют только в Анатолии в небольшом количестве деревень...убыхский народ эмигрировал после завоевания в 1864 г. и его остатки рассеялись по империи султана. Не имея связи между собой, эти островки стали быстро утрачивать свой язык, чтобы перейти на черкесский или абхазский язык, на котором говорили вокруг них часто в одних и тех же новых населенных пунктах большинство их товарищей по славе и несчастью. Таким образом, настоящим чудом является то, что на этом языке, бегло и без акцента, с чувством любви к нему говорит маленькая крестьянская академия»⁵².

Характернейшей особенностью убыхов является то, что они и на Кавказе были трехязычными, пережитки чего заметны и теперь у живущих в Турции убыхов (см. ниже).

Как же следует понимать одинаковое знание убыхами двух (кроме родного) языков – абхазского и черкесского? Является ли это показателем их одинаковой близости к убыхскому языку, результатом культурного влияния или следствием того и другого вместе? Если говорить о влиянии, то влияние, какого из указанных языков было преобладающим?

Трудно делать категорические выводы по этим вопросам. Однако имеются все основания думать, что в свое время, прежде всего, в эпоху Абхазского царства, когда Абхазия играла большую роль в политической и культурной жизни соседних народов, воздействие абхазской культуры на

⁵⁰ П. К. Услар. Чеченский язык. Тифлис, 1888, с. 14.

⁵¹ Ганс Фогт. Указ. соч., с. 68 (на фр. яз.).

убыхов было, несомненно, более значительным. Но дело даже не столько в том или ином влиянии, которое, разумеется, изменялось в зависимости от конкретных исторических условий, сколько в большем этно-культурном схождении и единстве убыхов с абхазами.

Может быть, не случайным является, например, то, что наблюдательный Дж. Ст. Белл, который, как сказано, жил в тридцатых годах прошлого столетия среди убыхов, подчеркивает знание убыхами прежде всего абхазского языка, а потом уже черкесского. Он пишет: «язык азра (т.к. абхазов. – Ш.И.) все здесь понимают, а также и язык «адыге»⁵³. Обращает внимание и то, что тот же очень хорошо информированный автор называет убыхов термином «абаз», или «абаза», который нередко служил общим обозначением различных абхазоязычных племен как на южной, так и на северной стороне кавказских гор.

В «Новом и полном словаре Российского государства...», отражающем положение, которое существовало на Северо-Западном Кавказе в XVIII в., в эпоху Екатерины II, мы читаем: «...За сими уездами, кои полуденнозападную часть Абхазии составляют, следует на северо-запад уезды: Туби, Убух, Шаши и Шапсих, которые с черкасскими уездами Бжана и Гатукай граничат. Над сими содержат турки в небольшой к Черному морю лежащей крепости Сочук-Кале надзирателя: но ему сии абхазы столь мало повинуются, что прежнюю свою вольность в лесистых и горных своих жилищах почти еще в целости сохраняют. Язык сих северо-западных уездов от языка, каким говорят в выше упомянутых полуденнозападных приметно отличен»⁵⁴.

В этой цитате привлекает внимание то, что убыхи и их соседи названы одновременно абхазами, хотя язык их от южноабхазского «приметно отличен».

Когда-то давным-давно, может быть, где-то на рубеже III-II тысячелетий до н.э., произошло выделение первоначальных ядер абхазского и адыгского языков из общего языка-основы этих племен (этот предполагаемый «материнский» праязык можно было бы условно именовать «нартским», по названию древнейшего общего памятника абхазо-адыгских и некоторых других кавказских народов). О глубокой древности образования двух этих языковых групп (абхазской и адыгской) свидетельствует тот факт, что,

⁵² Ж. Дюмезиль. Анатолийские документы о языках и традициях Кавказа. Париж, 1960, с. 9

⁵³ Цит. по П. К. Услару. Указ. соч., с. 79

несмотря на единый в основном грамматический строй данных языков, между ними ныне существуют такие словарные расхождения, которые исключают полностью взаимное понимание тех, кто говорит на них.

Убыхский язык в территориальном отношении был расположен примерно в одинаковой удаленности от центров формирования как черкесского, так и абхазского языков, но ни один из них не сумел его полностью ассимилировать, хотя каждый из них оказывал на него постоянное воздействие. Этим объясняется его «промежуточность» и архаичность.

Специалисты, например, Г.А. Климов – автор одной из новейших работ, посвященных убыхам, отмечает, что в их языке также и даже еще больше, чем в абхазском, развита систем согласных звуков (доходящих до 82); в нем, как и в абхазском языке, имеются две основные гласные фонемы (**а** и **ы**). И вообще по своей грамматической структуре убыхский язык стоит ближе к абхазскому, в то время, как по своему материалу, пишет он, проявляет больше сходства с адыгским. А близость в области грамматики, как известно, имеет решающее значение при определении родства народов и их языков⁵⁵.

Что же касается материала, то есть лексики, то абхазо-убыхские лексические встречи еще, можно сказать, совершенно не изучены. Поэтому трудно пока делать окончательное заключение по вопросу о том, к какому языку стоит ближе убыхский по своему словарному составу. Тем более что, как известно, лексика всякого языка значительно легче и быстрее меняется, чем его грамматика.

Речь идет более конкретно о языковом взаимоотношении убыхов с садзами. З. В. Анчабадзе, ссылаясь на Евл. Челеби, утверждает, что язык садзов, занимавших, как мы знаем, земли от Хамыша до Гагра, «был самостоятельным языком»⁵⁶. Но Г. Филипсом прямо пишет, что садзы говорили «чистым абхазским языком»⁵⁷. Правда, тот же автор указывает, что садзы имели еще особое наречие — «асадзипсуа», не похожее, ни на абхазский, ни на адыгейский, на котором при Филипсоне украдкой говорила еще чернь. На этом основании З. В. Анчабадзе приходит к заключению, что асадзипсуа — это один из самостоятельных языков абхазо-адыгской груп-

⁵⁴ «Новый и полный Словарь Российского государства...», ч. I. А-Д. Москва, 1888, сс. 2-4.

⁵⁵ Г. А. Климов. Новое в изучении убыхского языка. «Труды» Абхазского ИЯЛИ, т. XXX, 1959, сс. 241 – 242; его же. Кавказские языки. М., 1965, с. 29.

⁵⁶ З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964, с. 173.

⁵⁷ См. там же, сс. 173 – 174.

пы⁵⁸. Однако сам термин «асадзипсуа», вторая часть которого, бесспорно, представляет собой самоназвание абхазов (апсуа), свидетельствует о том, что садзы были племенем, говорившим не «самостоятельным языком», а на одном из особых диалектов общеабхазского языка — «садзско-абхазском», как переводится и само слово «асадзипсуа». И если, как утверждает Г. Филипсон, «по всей земле убыхов» чернь знает «асадзипсуа», то это может говорить или, как думает и З. В. Анчабадзе, об ассимиляции садзов — жителей побережья — спустившимися с гор убыхами⁵⁹, или же о том, что сам убыхский язык генетически восходит к одному из ближайших к садзскому абхазских наречий, получившему в этом районе постепенное преобладание, став со временем самостоятельным языком.

О степени близости грамматического строя абхазского и убыхского языков говорилось выше. Здесь сошлемся на некоторые примеры словарных совпадений, относящихся к древнейшему лексическому фонду этих языков.

ТАБЛИЦА
НЕКОТОРЫХ УБЫХО-АБХАЗСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВСТРЕЧ

№	Убыхские термины	Абхазские соответствия	Значения
1	на, ны, ана	ан	мать
2	гъхэыс, гъхэас (пхюс)	агъхэыс (апхюс)	женщина, жена
3	гъха, гъхад (пха, пхад) ⁶⁰	апха (апха)	дочь
4	гъа (игъа) (Адагуа-игъа)	игъа (Адагуа-игъа)	сын (сын Адагуа)
5	дад	дад	отец, а также обращение к молодым
6	бзы (бза) ⁶¹	абз	язык (анатом. тоже)
7	гъса, агъса (пса, апса)	агъсы (апсы)	дух, душа, жизнь

⁵⁸ Там же, с. 174.

⁵⁹ Там же, с. 175.

⁶⁰ По-убыхски, как и у абхазов, с-гъха (с-пха) означает «моя дочь» (с – местоимение «я», **гъха** – дочь), а **игъа**, тоже как в абхазском, – «его сын» (**иара** – он, **агъа** – сын).

⁶¹ Убыхи называли свой собственный язык «абза бзы» то есть «языком абхазов», «языком абазы» (ср. абх. **апсуа бызшэа** – абхазский язык) (**Н. Альбов**. Ботанико-географические исследования...с.с. 141-142).

8	нцэа (нцва)	анцэа (анцва)	бог ⁶²
9	паста (паста) ⁶³	абыста (абыста) ⁶⁴	крутая каша из пшена
10	хэа (хва)	ахэа (ахва)	свинья
11	ты (ты)	аты (аты)	баран
12	шы	ачеы (ачи)	лошадь
13	тэа, атэан (тва, атван)	атэан (атван)	бульон (мясной)
14	дэы (двы) ⁶⁵	адэы (адвы)	поле, равнина
15	хы, ахы ⁶⁶	ахы	князь, голова, головастый, предводитель
16	пшза, пшыза (пшдза)	апшза (апшдза)	красивый, прекрасный
17	цэы, ацэ (цвы)	ацэ (ацв)	бык ⁶⁷
18	арма	арма	левый
19	дагуы, адагуа	адагуа	глухой
20	бзамыкэ (бзамыку)	абзамыкэ (абзамыку)	немой, недалекий
21	бажэ, абажэ (абажв)	абажэ (абажв)	старик, «старый отец»
22	ѣа (тча)	ача (атча)	юный, молодой
23	чагышья (чапшья)	ачагышьяра (ачапшьяра)	ночные дежурства (у по- стели больного и пр.)
24	цагуа	ацагу	тупой
25	цыгыха (цыпха)	ацагыха (ацапха)	замок, ключ
26	цэа, цэы (цвы)	ацэа (ацва)	кожа
27	багыр (багыр)	абагыр (абагыр)	воробей
28	брыцэ (брыцв)	абацэ, абрацэ (абацв)	кизил
29	чеыды (чыды)	ачада (ачада)	осел
30	кэы (кэы)	акэа (акэа)	дождь

⁶² П. К. Услар. Указ. соч., с. 151 (предисловие М.Р. Завадского).

⁶³ Там же, с. 101.

⁶⁴ Характерно, что молоко по-убыхски обозначается тем же словом, которым абхазы называют хлеб, - «ача». Это говорит об исключительном значении в далеком прошлом молочных продуктов в жизни убыхов. Возможно также, что «ача» когда-то обозначало самую насущную пищу вообще.

⁶⁵ В. Солтан. Военные действия в Кубанкой области с 1861 по 1864 год. «Кавказский сборник», т. V, Тифлис, 1880, сс. 462 – 463.

⁶⁶ С.Т. Званба. Этнографические этюды. Сухуми, 1955, с. 46.

⁶⁷ Г. Фогт. Указ. соч., с. 101 (по Г. Фогту же приводятся в основном и все последующие примеры).

31	мыша, амша	амш	день
32	мыза, амза	амза	луна, месяц
33	цѳатцѳа (цвацва)	ахьыртцѳатцѳа (ахирцвацва)	золото
34	хѳынча (хвинча)	ахѳынчара (ахвинчара)	атаковать, связать
35	уашхуа	уашхуа	гром, молния (уб.)
36	мах-мах, (мах -мах	мах-мах (мах-мах)	зов для собак
37	Нарт (Нарт)	Нарт	название народного ге- роического эпоса
38	Сатаныиа (Сатанья)	Саѳанеи (Сатанѳэй)	имя героини нартского эпоса
39	Гунда-Пшыза (Гунда- Пшызда)	Гунда-Пшза	Гунда Прекрасная – нартская героиня
40	Саусрыѳѳа (Саусырыква)	Сасрыѳѳа (Сасрыква)	имя главного героя того же эпоса
41	Ерешхау	Нартѳхьѳоу (Нарджхьѳоу)	персонаж нартских сказаний
42	Хѳазерпѳыс (Хуазерпыс)	Хѳажѳарпѳыс (Хѳажварпыс)	«»
43	Уарайда, уара, уарайдара, иауарада...	Уарайда, уара, уарайдара, иауарада...	песенный рефрен...
44	Хѳалайк (хѳалайк)	ахѳылак	рабыня, несчастный
45	апѳхѳыс-пѳа (апхвиспа)	апѳхѳызба	девушка
46	мальху	амахѳ	зять

Как видно было на ряде приведенных примеров, впереди убыхских имен существительных также часто ставится специфически абхазская приставка общности **а**, хотя и не всегда, не с такой закономерной необходимостью, как в абхазском. Например, **адагѳа** — глухой, **арма** — левый, **атѳан** (тѳан) — бульон, **ана** (на, ны) — мать, **ахы** (хы) — голова, **апѳса** (пѳса) — душа

и др. Общими являются и некоторые местоимения: **с** (сара)—я, **и**—(иара)—он (например, в имени Адагуа ипа Керантух слово «и-па» означает «его сын», как и в абхазском). Общим является и «хуа» в значении «сын»⁶⁸.

Хотя мы не имели возможности фонетического транскрибирования для более точного выражения соответствующих звуков, не говоря уже об исчерпании словарных сходжений и параллелей, но и приведенного материала достаточно для того, чтобы представить себе степень ближайшего родства сравниваемых языков. Причем в прошлом лексическая общность могла быть еще более значительной. Так, список слов, содержащийся в сочинении турецкого путешественника Евл. Челеби, показывает тождественность или большую близость языка абхазского племени джигетов к языку убыхов в середине XVII в. Однако безоговорочное утверждение о том, что в XIX в. убыхский язык удерживался в быту только наиболее самобытной верхней (собственно) Убыхии, в то время как в Вардане его вытеснил адыгейский, а в Саше джикетский языки, что «именно здесь сохранялся убыхский язык, которого не знало адыго- и абазиноязычное население прибрежной Убыхии»⁶⁹, нуждается в существенной корректировке.

В целом мы можем констатировать практически почти свободное владение многими убыхами абхазским языком, который они, будучи в массе своей трехязычными, знали, в общем не хуже, а может быть даже и лучше, чем черкесские диалекты. В письме к автору этих строк проф. Ж. Дюмезиль писал в 1964 году: «Сто лет тому назад, после эмиграции, большинство убыхов, которые поселились около Манья, были трехязычны и знали абхазский язык лучше, чем шапсугский. В Турции они потеряли свои связи с абхазскими переселенцами, поселившимися вдали от них, и их дети уже были только двуязычны».

Таким образом, еще в середине XIX в. границы живой абхазской речи простирались от реки Ингури до современного Сочи, если не дальше в северо-западном направлении, что, как увидим, ниже, в значительной степени подтверждается и данными топонимики.

Убыхский язык, развивавшийся под воздействием адыгского и абхазского языков, сам в свою очередь также оказывал на них влияние, особенно на

⁶⁸ Ср. уб. «Азамат **иахэа** Каламат» (Ж. Дюмезиль, Убыхск. этюды, с. 68) и абх. «Гъшькьаѣ ихэа Манча» («**Агъсуа желар рпоезиа**». Еиқ. Б. Шьынқэба. Аѣа, 1959, с. 113)

⁶⁹ Л. И. Лавров. Указ. соч., сс. 6, 18.

садзский (джигетский) диалект абхазского языка, так как именно с носителями этого диалекта убыхи находились в ближайшем родстве и теснейших взаимосвязях в течение долгих веков. Так, по свидетельству анонимного автора серьезной статьи «Абхазцы (Азегга)», все селения, прилегавшие к реке Бзыбь, и том числе Гагрипш у гагрского укрепления, говорили «испорченным абхазским языком, в котором чрезвычайно много встречалось слов убыхского и джигетского языков»⁷⁰.

Абхазов с убыхами сближает также ономастика и родоплеменной состав населения. У тех и других встречается немало одинаковых фамильных и личных имен. Таковы, например, фамилии Вардан (одно из убыхских обществ, как указывалось выше, называлось Варданэ), Сомехо (абх. Самахь-хуа)⁷¹, Чизмаа и некоторые другие родовые имена с окончанием на «маа»⁷².

В преданиях абхазов, например, в песне героини из поэмы И. Когониа «Абатаа Беслан» нередки упоминания об убыхских «бырзыках», «бырзыкской молодежи» (бырзыкбаа рычкэынцэа; ср. с названием древнего причерноморского племени бизеров. Главная резиденция Берзеков («самого знатного рода между убыхами») находилась в верховьях Шахе в Бабуковском ауле, где, по рассказам, они «жили с роскошью, имея мебель и зеркала из-за границы»⁷³. Шапсугские старики приписывают убыхам дворянский род Мершье или Мершьене⁷⁴, которые в качестве одной из сильнейших абхазских княжеских фамилий встречались издревле в Абхазии, особенно в горных частях страны, например, в верховьях р. Кодор (Цебельда, Дал) и других обществах, частично и на северной стороне Главного Кавказского хребта. Они господствовали и в непосредственной близости от убыхов, в частности, в селениях Аибга, Чужгуча и Ахчипсы, которые были известны соседям под общим названием медовеевцев. Между реками Сепсе (Шапси?) и Соча (Сучали) Дюбуа упоминает приморский убыхский аул Дзиаше⁷⁵, название которого может быть сопоставлено с другим абхазским княжеским родовым именем Дзиапшов⁷⁶. Более того, у

⁷⁰ «Абхазцы» (Азегга)», сс. 13-14.

⁷¹ А. В. Фадеев. Указ. соч., с. 178.

⁷² Весной 1845 г. убыхское восстание, участники которого едва не завладели Новагинским укреплением, возглавлялось абреком из крестьян по имени Омер Чизма (А. В. Фадеев. Указ. соч., с. 166).

⁷³ В. Солтан. Указ. соч., сс. 462-463.

⁷⁴ Л. И. Лавров. Из поездки в черноморскую Шапсугию. «Сов. этнография», 4 – 5, 1936, с.130

⁷⁵ Фр. Дюбуа. Указ. соч., сс. 88-89.

⁷⁶ Убых Измаил Баракаи-ипа Дзяпш (Дзиаш, Дзейш), выступая в середине XIX в. в качестве главы

устья Лоо прямо упоминается сел. Дзепш. На берегу моря селение Сочипсы составляло общество Саше во главе с князем Облагу (Аублаа?). Большую причерноморскую родоплеменную группу представляли Кяхе - ветвь шапсугского племени, доходившая до р. Шахе, которая составляла их границу с убыхами (ср. с абхазский крестьянской фамилией Кяхба)⁷⁷. На Шахе жили также хакучи (ср. с абхазским лично-родовым именем Хакуцв), а на Хосте обитали хамышцы — общество убыхского племени, которые были одним из ближайших соседей садзских селений (между прочим в XVIII в. Хамышцы по недоразумению убили находившегося в тех местах на охоте абхазского владетеля Зураба, за что им сурово отомстили). В верховьях Кудепсты и Мдзымты находились общины баговцев (ср. абх. род Багба). Общество Чужи на р. Худапс и общество Чуа (ср. абх. род. Чуаз), на р. Мца (ср. абхазское сел. Мцара), по Торнау, называли себя абадзою, не принимая названия садзов, принадлежащего собственно прибрежным жителям, и т. д.

Общими являются и многие личные, женские и мужские имена, причем, как сказано, тут и там патронимическим показателем происхождения является «ипа»— «его сын». Например, предводитель партии убыхов из более чем

1 000 человек, совершивший нападение на Абхазию летом 1825 года, носил имя Сааткери Адагва-ипа Берзек⁷⁸, то есть «Сааткери, сын Адагвы, из рода Берзеков» (у абхазов имя «Берзек» сохранилось в форме «Базрыква», причем в качестве личного, а не родового названия). Общими являются также Хатажук (абх. *Ҷаҭажәыҕкәа*), Муса (абх. *Мыса*), Шоген (абх. *Шоугъан*), Керантух, Едик (абх. *Едыгъ, Едыгъа, Едгы*), Шеулех (абх. *Саулахә*), Эльбуз (абх. *Албуз*), Хапеш (абх. *Хапашә*), Мызауч (абх. *Мзауч*), Каламат (абх. *Кьаламат*), Азамат (абх. *Озамат*), Куаблых (абх. *Кәаблыхә*)⁷⁹ и др., причем большинство общих имен являются местными.

Для выяснения абхазо-убыхских этно-культурных связей большое значение имеют данные топонимики. Так, например, Красная Поляна называлась по-абхазски Губаа-двы (Губаа-дэы), то есть Поляна рода Гунба (отсюда происходит русск. Кбааде). Название известной горы Ахун около

абхазо-черкесской делегации в Париже и Лондоне, «удачно разыгрывал роль дипломата» (С. Басария. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношениях. Сухум, 1923, стр. 104).

⁷⁷ Л. Г. Лопатинский. Заметка о народе адыге... СМОМПК, в. XII, Тифлис, 1891, с. 30.

⁷⁸ С.Т. Званбая. Указ. соч., с. 43.

Сочи связано, по-видимому, с абхазским «аху» — гора, холм или с древним абхазо-убыхским родовым именем Ахунаа. В абхазском языке сохранилась пословица, которая гласит: «У ахуновцев родился сын, но люльку раздобыть не могли» (Ахэынаа гъа дроун, агара рмоут хэа). Еще более известным является название другой горы — Аублаа рныха. Так назывался один из пунктов современной Батарейки, которая находится на территории гор. Сочи (против Маяцкого сквера). Но выражение «Аублаа рныха» если убыхское, то оно настолько, же и абхазское: по-абхазски оно означает: «Святилище рода Аублаа»⁸⁰. Сама Батарейка, как и гора по дороге на Мацесту, носила название Бытха, что переводится с абхазского как Камень Быта (Быт ихахэ). Название р. Сочипста, встречающееся иногда в источниках, состоит из двух частей, причем последняя часть — «ипста» по-абхазски выражает «его ущелье». Следовательно, Сочипста может означать «ущелье Соча», по-абхазски Швача (Шэача), что, возможно, является утерянным личным или родовым именем. На той же реке Сочи в нескольких километрах от ее устья упоминается селение с чисто абхазским названием Архшна-ахэ⁸¹, что в дословном переводе означает «холм надочажной цепи» (**архышьна**, **ахнышьыр** — надочажная цепь, **аху** - холм, горка), а выше находятся река и пещера под именем Ац (ср. название абхазского села Аацы).

Из абхазского (или абазинского) языка может быть истолкован и ряд других топонимических названий: фамилия абазинских князей и одна из рек северо-западнее Сочи носят общее имя Лоо; старое название абазинского селения Псыж-Дыдркьвай имеет свою параллель в названии одной из рек между Сочи и Туапсе; название р. Магры, вероятно, происходит от «амагра», что по-абхазски означает рукав, мыс Агррия — не от «агра» (абра), то есть рябой, как пишет Л. И. Лавров⁸², а скорее от абхазского «акра» - мыс.

⁷⁹ Ж. Дюмезиль. Указ. соч., с. 68.

⁸⁰ Аублаа, по-видимому, фамилия того самого «князя Облагу», жившего на р. Сочи, «от Бзыби до Шахе самого значительного владельца», у которого Ф. Торнау пользовался щедрым гостеприимством в 30-х гг. XIX в. В этом, по-русски неправильно записанном или стертom от времени термине заключены, возможно, и личное, и родовое имена. Но если Облагу является таким композитом, то его легко можно разложить на составные части: **Обла** (от родового имени Аублаа) **игу** (сокращенная форма от абх. мужского имени Гугу, Гугуа). От частого употребления, соединившись вместе, эти имена образовали слитное Облагу, что, быть может, восходит к Аублаа Гугу.

⁸¹ Л. И. Лавров. Этнографический очерк убыхов, с. 7

⁸² Л. И. Лавров. «Обезы» русских летописей. «Совр. этнография», 4, 1946, с. 163.

Сообщая эти факты параллельного существования названий местностей, Л. И. Лавров приходит к выводу, что «географическая номенклатура Адлерского, Лазаревского и Туапсинского районов Краснодарского края носит абазинские следы, причем при параллельном существовании одинаковых терминов среди северокавказских абазин и в упомянутых районах побережья, более древними оказываются вторые. Данные топонимики подтверждают, как и исторические предания, что северокавказские абазинцы некогда жили на Черноморском побережье северо-западнее Абхазии... предки шкаравцев обитали примерно от Гагр до Адлера или Мацесты, а далее на северо-запад обитали предки тапантовцев»⁸³.

Однако мнение о таком широком распространении именно абазин на указанном участке Черноморского побережья Кавказа, отрицающее автохтонность самих убыхов, является сомнительным, как и утверждение того же автора о том, что и XIX в. «убыхский язык сохранился только в горах, а не на побережье»⁸⁴.

Л. И. Лавров и в новой своей работе полностью отождествляет джигетов (садзов) с абазинами. Например, он пишет: «Значительное смешение убыхского населения с соседними адыгейскими и абазинскими племенами не позволяет указать точные границы этой территории»⁸⁵.

Подобные безоговорочные утверждения вызывают возражения. В самом деле, известно, что не только в XIX в., но и значительно раньше абазинцы в основном жили уже на Северном Кавказе, а, следовательно, смешиваться в это время с убыхами никак не могли. Известно также, что абазинский народ делится на две группы — ашхарцев и тапантов, а общим их самоназванием является «абаза». Никогда они не называли себя ни «джигетами», ни «садзуа». Бесспорным является также идентичность джигетов и садзуа. Последнее название, хорошо известное абхазам и теперь, обнимало население примерно от Гагры до Хосты, в то время, как для обозначения абазин и занимаемой ими территории абхазы издавна употребляют специальные термины — «ашвуа» (ашәуа) и «Ашвы» (Ашәы), локализуемые

⁸³ Л. И. Лавров. «Обезы» русских летописей, сс. 163 – 164.

⁸⁴ Там же, с. 166 (прим. № 23).

⁸⁵ Его же. Этнографический очерк убыхов, с. 5.

ими только на Северном Кавказе. Из этого вытекает, что абазины и садзуа (джигеты) – это разные абхазоязычные племена как по особенностям своего языка, так и по занимавшейся ими территории. Причем, как установлено - специалистами, один из двух диалектов абазинского языка (ашхарский) стоит ближе к южно-абхазскому (абжуйскому) диалекту, что само по себе исключает их пребывание на садзско-убыхской территории. К тому же и сами абазины, следуя своим изустным преданиям, выводят себя из района Сухуми (Софум), а не Сочи.

Правда, некоторые авторы, начиная с Торнау, население интересующего нас Черноморского побережья называют иногда абазинами или абазой. Например, А. В. Верещагин, дважды путешествовавший по Черноморскому округу, в том числе и по Абхазии (в 1870 и 1873 годах), называл население, жившее между реками Бзыбь и Хашупсе, абазинами. «Абазин - пишет он, — и теперь осталось два аула, которые расположены по скату горы, в пяти верстах южнее Гагр»⁸⁶. Тот же автор, рассказывая о своей поездке из Бзыби в сторону Гагра 2 июня 1870 года, снова называет здешних местных жителей абазинами. «Путь наш лежал через лес к абазинским аулам и далее в Гагры»⁸⁷. Абазинами называет жителей района Гагра также И. Клинген, ссылаясь при этом на отчет комиссии 1866 года⁸⁸.

Но все это является скорее показателем терминологической путаницы, явившейся отчасти следствием старой традиции слишком расширенного толкования этнического и территориального содержания термина «абаза», «абазины». Ибо, подчеркнем еще раз, если бы район Гагра - Сочи населяли прежде абазины, то ближайшие к ним абхазские племена называли бы эту территорию Ашвы, а не Садзуа, а садзов пришлось бы нам тогда искать где-нибудь в другом месте.

Чтобы составить себе наглядное представление об общем характере географической номенклатуры междуречья Бзыбь - Сочи (в основном территория исторической Джикетии, населенной садзами), мы составили небольшую топонимическую таблицу по нашим полевым записям, а также картографическим и литературным источникам. К сожалению, многие из приводимых названий искажены не знавшими местных диалектов авторами

⁸⁶ А. В. Верещагин. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874, с. 50

⁸⁷ Там же, сс. 74 – 75.

⁸⁸ И. Клинген. Основы хозяйства в Сочинском округе. С-Пб., 1897, с. 43.

до неузнаваемости. Но немало и таких, которые зафиксированы по возможности точно и представляют большую ценность для изучения истории и этнографии края. Среди них выделяется значительная группа поддающихся расшифровке названий с абхазскими основами и оформленных абхазским локативным и другими суффиксами («та», «ра», «ашта», «гъшь», «агъста» и др.), что делает бесспорной их принадлежность к абхазско-садзской лексике.

ТАБЛИЦА
НЕКОТОРЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ МЕЖДУ РЕКАМИ
БЗЫБЬ И СОЧИ

№	Названия	Местонахождение	Значения, примечания
	Реки:		
1	Бзып, (Бзыбь)		
2	Зыхьџа (Дзихча)	Родник северо-восточнее г. Гагра.	
3	Хџақырџта (Хвакиривта)	Свежий источник (так называется и один из притоков р. Шахе).	
4	Гъсцџеры (Псцвры)	В Колхиде, у Нов. Гагра.	
5	Гъсахары (Псарахы)		
6	Зхыда (Дзхыда)	За Фонтанкой, у Нов. Гагра	Вода без начала (азы – вода, ахы – голова, да – частица отрицания).
7	џзы (Вдзы)	Западнее от Фонтанки.	џ-зы – двуречье (џба – два, азы – вода).

8	Цәахырџа (Цвахырва)	Ущелье Цахерва, около школы, в Гагра.	
9	Псагара или Псца	Нов. Гагра.	
10	Гагрыпъшь (Гагрипш)	Ущелье в Ст. Гагра.	Община (рода) Гаг (?).
11	Жәкәар (Жәикәар)	Впадает в море у Гагрской крепости.	Коровья речка (ажә – корова, акзара – ручеек).
12	Ахатца (Ахаца) или Рапъырџа (Репроа)	На тер. сан. «Украина».	«Ахатца» означает «мужчина».
13	Бабрипъста (Багрипта)	На расстоянии 14 км западнее Гагра	Ущелье Багова (Баџ – родов. имя, апъста – ущелье).
14	Ҳашпъсы (Хашупсе)		
15	Пхист (Пъхыста ?)		
16	Лапъста (Лапта)	Между р. Хашупсе и р. Псоу	
17	Мхәадыр (Мехадыр)		
18	Аха, Ахылцыс	Между Гагра и р. Псоу.	
19	Жәыпъсы (Жеопсе)	Между р. Хашупсе и р. Псоу.	
20	Пъсоу (Псоу)		Здесь, на территории совр. Веселого, находилась усадьба абхазского князя Решида Гечба (170 дес.), конские заводы которого пользовались громкой славой ⁸⁹
21	Хымс – Анакәа (Химс – Анаква)	Ледник, из которого вытекает Мдзымта.	Анакәа – ледник.
22	Мзымта – Азыжь (Мдзымта – Адзыжь)	Из этого озера вытекает р. Мдзымта.	
23	Цәыць (Цвидж)	Правый приток р. Мдзымта.	Ср. с абхазским родовым именем Цвижба (Цәыць).

⁸⁹ И. Клинген. Указ. соч., сс. 9-11, 43, 61

24	Цэыцъпсы (Цвижипсы)		
25	Лузыр, Лозыр (Лодзыр)		
26	Пузико		
27	Поху		
28	Асса а		ср. абхазское слово «асса», «ассара», - мелкота, мелкоречье, мелководье.
29	Абгара (Абгара)		Обрывистое место
30	Херота (Хэырта ?) (Хвирта)	Вытекает из горы Лацынуха, между Адлером и Кудепстой.	
31	Кэдипъста (Кудипста)		Ущелье Куды (мужск. имя ?).
32	Хэаста (Хоста, Хуаста, Хамыш)		Ср. абхазское слово «ахэаста» - тропинка, след, а также «ахэста» - пастбищное место.
33	Агэра		
34	Мцазтоу (Мацеста)		Ущелье, огонь содержащее (амца – огонь, зтоу – содержать внутри себя) – название происходит от теплых источников.
35	Бзгэы (Бзугу)	Между Мацестой и Хостой.	
36	Цанык	Приток р. Бзугу.	
37	Сочи		
38	Агэа	Приток р. Сочи.	

39	Ац	Приток р. Сочи.	
40	Ажакъа (Ажек)	Приток р. Сочи.	Ажакъа – означает борода.
41	Уушьха	Приток р. Сочи.	
Населенные и другие пункты:			
1	Аспъа (Аспа)	От моста через Бзыбь до пицундского шоссе.	
2	Атызта (Атидзта)	Микрорайон Аспы.	
3	Пшахәха (Пшахвха)		
4	Ахәыстықә (Ахвистика)	Микрарайон Аспы.	
5	Расызха (Расидзха)	«»	
6	Аць – шыахаит (Адж – шахаит)		
7	Алаҳазы (Алахадзы)	Приустье р. Бзыбь, от пицундского шоссе до моря.	Дословно: «Инжирная вода» (алаҳа – инжир, азы – вода).
8	Жәҗазахы (Жвадзахы)	Совр. т.н. Колхида у г. Гагра.	
9	Ахәыхәшәара (Ахвихшвара)	Предгорье севернее Алахадзы.	Место охоты на голубей (ахәыхә – голубь, ашәара – охота).
10	Ұыпъста (Чипста)	К западу от родника Дзихча.	Ущелье коней (аҕы – лошадь, апъста – ущелье).
11	Кәлан – ишәара (Кәлан-ишвара)	Предгорье от Чипсы до Гагра.	Место охоты Кулана (Кулан – мужск. имя, ашәара – охота).
12	Цанапъшьгәара (Цанапшгвара)	Вблизи окрестностей г. Гагра.	Ограда рода Цан (Цанба).
13	Гагра		
14	Камбиха	В 3 - 4 км от моря на Бзыби.	
15	Баҗрипъста (Багерипста)		
16	Арыд (Аред)	В районе Адлера.	Здесь до 1864 года княжили Аредба.

17	Арыдаа рыбна	Бассейн р. Мдзымта	Леса Арыдбовцев.
18	Цандрыгъшь (Цандрипш)	Совр. Гантиади.	Община Цанов. Княжили Цанба (Цамба).
19	Гъачрыгъшь (Гечрипш)	Район Адлера.	Здесь господствующей была фамилия князей Гечь, Гечба.
20	Гъачаа рыбна	Адлерский мыс.	Леса Гечов.
21	Мхьалрыгъшь (Мхельрипш)	Верховья р. Псоу.	Община (рода) Мхьял.
22	Хэпха (Хупхи)	Совр. Веселое.	Место разлива молока (ахш – молоко, атыхра – доставать, разливать).
23	Ахштырх	На р. Мдзымта, в 10 км. от моря	
24	Лацуныхэа (Лацунихва)	Бассейн р. Мдзымта (у Кудепстинского перевала).	Святылище (моление) (рода) Лац.
25	Мдафѳеи (Мдавей)	Правобережье р. Мдзымта.	
26	Ахчыгъсы (Ахчипсы)	«»	
27	А бѳа (Аибга)	Левобережье р. Мдзымта.	
28	Бобга		
29	Ашѳба (Ашуба) ⁹⁰		Ср. абх. родовое имя Ашуба.
30	Цѳыѳъ (Цвидж)	Между Мдзымтой и Хостой.	
31	Баѳ (Баг)		Ср. абх. родовое имя Багба (Баѳба).
32	Иасхрыгъшь (Иасхрипш)	Между реками Мдзымта и Сочи (по А. Нордману, 1837 г.)	Господствующей фамилией здесь тоже была Арѳба.
33	Лиашѳ (Лиашв)	«»	
34	Адвѳхане	«»	
35	Минцхаре	«»	

⁹⁰ А. В. Верещагин. Путевые заметки... М., 1874, с. 54 и сл.

36	Хәазрыгъшь (Хуазрипш)	«»	Вероятно, здесь жили Хуазы.
37	Арынзаа рцута (Арындзаа рцута)	Между рр. Мдзымта и Сочи.	Переводится с абхазского: «Поселок рода Арындзаа».
38	Самахъхәарыгъшь (Самахъуарипш)	«»	«Сомхурупши» А. Нордмана.
39	Азнагара	«»	
40	Ҡытца (Вица)	«»	Означает в абхазском – «Подгорье».
41	Хусурыпшь (Хусурипш)	«»	
42	Хамышь (Хамыш, Хамыша)		
43	Ҡсахуа (Псахо)	В верховьях Кудепсты.	
44	Аублаа рныха	На территории г. Сочи (совр. Батарейка) ⁹¹	
45	Архышна - аху	На р. Сочи, в 5 км от ее устья.	Холм надочажной цепи (архышьна – надочажная цепь, ахзы – холм).
46	Губаа – дәы (Губа – двы).	Красная поляна (Романовская, Кбааде).	«Губаа-дәы» значит Поляна (рода) Гунба (Губа-Гунба, адәы – поле). Здесь 21 мая 1864 года состоялось торжественное молебствие «За окончание многотрудной и победоносной 60-летней Кавказской войны». Некоторые абазины называют Красную Поляну именем Хужвы (Хәыжәы).
47	Шәача, Хышәача	г. Сочи.	
48	Ареда	Микрорайон на тер. г. Сочи (за вокзалом).	

⁹¹ А. Нордман. Путешествия по Закавказскому краю. ЖМНП, 1837, Санкт-Петербург, ч. XI, сс. 414-415.

Горы и хребты:			
1	Ахалашта (Ахалашта)		Поляна Ахала.
2	Чхабаашта (Чхабаашта)		Поляна Чхабаа.
3	Ахаччылара		
4	Мамзышьха (Мамдзишха)		
5	Аѳеымарда (Ачымарда)	В верх. р. Хашупсе, между Хеопсе и Хашупсе	Означает: лошадиный склон (аѳеы – лошадь, амарда – склон, подъем).
6	Кацырха	В 15 км. от моря ⁹²	Равнина Каца (Кац – абх. мужск. имя, арха – равнина, долина).
7	Ахаѳѳера (Ахахвра)		Каменистая местность.
8	Борчием		
9	Хаг (Хаг)	В бассейне р. Псоу.	Ср. абх. родовое имя Хагба.
10	Зыдаху (Дзыдаху) ⁹³	Ущелье Мдзымты, сердце Аибги	Этимологизируется как безводный холм (азы – вода, аху – холм, гора) да – частица «без».
11	Хихудар	Водораздел между Мдзымтой и Псоу.	
12	Агѳыжь (Агож)		Означает по-абхазски «мул».
13	Бзыш	Верховье р. Мдзымта.	
14	Зыхра (Дзыхра)		
15	Чехашка		
16	Тугус (Аибга)		

⁹² А. В. Верещагин. Путевые заметки... М., 1874, с. 1.

⁹³ В источниках иногда Адзитуко, Дзитаку.

17	Хуп̄ҭа (Хупха)		Ахәп̄ҭа – абхазское слово и означает «воспитанник», переносно «господин».
18	Ахэыц	Верховья Кудепсты.	
19	Чууа		
20	Иегош		
21	Алыкь (в источниках Алек)	Хребет, у которого берет начало р. Мацеста.	Алыкь по-абхазски означает ил.
22	Лацинуха	Нагорный бассейн рр. Сочи – Мдзымта	
23	Ахун (Охин)	«»	
24	Иаҭыргәарҭа (Ятыргварта)	«»	Стоянка стад (рода) Ятыр.
25	Аҭцәарху (Ахцварху)	«»	«Гора (холм) владетелей (аҭ – владетель, аху – холм, р – показатель мн. числа).
26	Цахвоа	«»	
27	Акааргәарҭа (Акаргварта)	«»	Стоянка стад (рода) Акаба.
28	Магьшьха (Магишха)	«»	Гора (рода) Магь (Магьба).
29	Цанбишьха	«»	Гора (рода) Цан, в источниках иногда Циндишха.
30	Аишьха	«»	Гора (рода) Айба.
31	П̄сеашьха (Псеашьха)	«»	Гора Псе (ашьха – гора).
32	ҭыбга, ҭабга (Тыбга)	«»	Провал.

Наличие такого значительного абхазского (в широком смысле) слоя в топонимике страны убыхов можно объяснить или завоеванием и ассимиляцией убыхами абхазских аборигенов (что однако еще следует доказать), или продолжительной и интенсивной инфильтрацией какой-то части абхазского этноса (джигетов, абазин и др.) на убыхскую

территорию, или, наконец, особой этно-культурной и языковой близостью абхазов и убыхов, которая, на наш взгляд, заслуживает большего внимания и дальнейшего специального исследования.

IV

Абхазо-убыхские поселения были по своему характеру почти совершенно тождественными. Как и на всем этом побережье, они представляли собой разбросанные в полном беспорядке отдельные дворы с прилегающими к ним приусадебными участками. Начиная с Ю. Клапрота, многие наблюдали полное отсутствие у убыхов селений или деревень в обычном смысле этого слова. Они жили рассеянно в лесах и нагорьях небольшими группами домов. Вот, например, что писал А. Фонвиль, лично побывавший у убыхов в 1863 — 1864 годах: «Мы не встречали в этой стране не только города, но даже, ни селения, ни деревушки; оказалось, что ничего подобного и не было там; аулы, же разбросаны по горам, на различных расстояниях один от другого. Все аулы, расположенные в одной долине, составляли, общину и обозначались названием долины»⁹⁴. Тот же автор дает описание и одного конкретного аула — аула Измаил-бея Дзепша на Вардане, который «состоял из дюжины низеньких домов, расположенных без всякой симметрии внутри ограды, запертой непроницаемыми заборами. Несколько толстых палисадников разделяли эту ограду на отделения, разделенные между собою таким образом, что для того, чтобы пройти из одного отделения в другое, нужно было эскалادировать эти особого рода баррикады. В каждом ауле непосредственно у ворот ограды находилась гостиница»⁹⁵. Вся эта система сложного огороженного двора находила свои аналогии и в староабхазском дворе, который так и назывался: «огороженный двор» (агэара, агэараҭа), а дорожки между ними — «междуградиями» (агэарабжьара).

Хозяйственная жизнь убыхов и абхазов во всем основном была сходной. И те и другие занимались (с не столь существенными локальными

⁹⁴ А. Фонвиль. Указ. соч., с. 22.

⁹⁵ Там же, с. 11.

различиями) земледелием, скотоводством, пчеловодством, охотой, плодовым садоводством, виноградарством. По словам Ф. Дюбуа, в отличие от своих северо-западных соседей — натухайцев, которые, по его свидетельству, «вовсе не занимались виноделием», убыхи умели делать «хорошее вино». «Только начиная со страны, обитаемой убыхами и племенем Сочи, начинается эксплуатация этой отрасли»,— писал он⁹⁶.

Основными зерновыми культурами, как абхазов, так и убыхов являлись просо и кукуруза. Даже в горных обществах, например, «в ущелье реки Цвижи, среди леса, находились небольшие лесные чащобы, в которых медовеевцы сеяли гоми и кукурузу»⁹⁷.

На террасах и склонах бассейна Хашупсе «весьма много признаков бывшего густого жилья горцев. Признаки эти в особенности обозначаются группами грецкого ореха и разнообразными фруктовыми деревьями»⁹⁸.

И. Клинген в своих «Основах хозяйства в Сочинском округе» подчеркивает, что «почти ни одного клочка земли не было некультурного. Огромные стада коз, овец, лошадей и быков бродили в разных направлениях, по роскошной траве. В пограничной полосе между Абхазией и черноморским округом, в шести верстах от Гагр комиссия 1866 г. встретила 2 аула абазинцев, представлявших в то время единственное гражданское население между Бзыбью и Туапсе. Эти абазинцы пахали сохой наподобие имеретинской сохи «кави» с железным ножом, пропущенным через грядиль. Около аулов найдены посеvy кукурузы, проса и бобов, а около саклей — табачные рассадy и огороды. Затем наиболее многолюдные местности с более обширным хлебопашеством находились: в среднем течении р. Хашупсе, у подошвы гор Ачмарда и Борчием, в ущельях рек Махадыр и Лапста; но Псоу в трех верстах от моря, на обширной поляне в 170 дес. была усадьба князя Решида и известный его конский завод⁹⁹; в долине Мзымты, в четырех верстах от моря, на пространстве 200 дес., был расположен весьма обширный аул на высоком месте; на водоразделе между Кудепстой и Хостой было много аулов» и т. д.¹⁰⁰.

⁹⁶ Фр. Дюбуа. Указ. соч., сс. 88-90, 145.

⁹⁷ А. В. Верещагин. Указ. соч., с. 69.

⁹⁸ Там же, с. 63.

⁹⁹ Там же, с. 73

¹⁰⁰ И. Клинген. Указ. соч., с. 43.

Об этом князе, пользовавшемся большим влиянием, как в Абхазии, так и в Убыхии, пишут и многие другие авторы. Так, по словам А. В. Верещагина, у одного из отрогов горы Хупхи, где с 70-х годов XIX в. находится сел. Веселое, «жил богатый черкесский князь Решид, имевший большой табун прекрасных лошадей, для улучшения коих выписывал производителей из Большой Кабарды. В 1870 году здесь существовал еще дом упомянутого князя, с отдельной постройкой, называемой кунацкой. В то же время с дома князя я снял план, а академик Лагорно сделал эскиз холму, с постройками на нем князя»¹⁰¹.

Сколько-нибудь благоустроенных путей сообщения в крае не было. «Вьючная дорога, огибая балки, то высоко поднимается на хребет, то спускается к самому морю. Некоторые спуски и подъемы представляют собою подобие винтовой лестницы» — так писал об единственном сухопутном сообщении между Гагрой и Адлером А. В. Верещагин в 1874 году¹⁰². И все-таки в ряде важных переправ имелись более или менее значительные мосты, которые по своему устройству ничем не отличались от соответствующих абхазских сооружений.

Вот описание одного из них, относящееся к 1864 году. «Мост состоял из цельных деревянных стволов, положенных с каждого берега оврага, врытых концами в землю и заклиненных. Деревья сходились над серединой речки и подхватывались снизу подушками, в концы которых врублены были вертикальные стойки. На стойки насажены были длинные тонкие жерди, сделанные из крепкого и гибкого дерева, также утвержденные концами в берегах. Поверх бревен уцелело несколько досок, составлявших, вероятно, часть мостовой настилки. Пила здешним горцам, по-видимому, не была известна, и они приготавливали доски, колотые из каштанового или другого хорошо раскалывающегося дерева, по крайней мере, нигде в аулах южного склона мне не попадался пиленный лес. Мостик этот очень эластичен; на скрепление его не пошло ни кусочка железа, и вся работа, как видно, была произведена топором»¹⁰³.

Таким образом, в хозяйственном быту убыхов и абхазов, как и других приморских жителей, так много идентичного, что трудно их даже

¹⁰¹ А. Верещагин. Указ. соч., с. 73.

¹⁰² Там же, с. 65.

¹⁰³ И. О. Орехов. По южную сторону Западного Кавказа. «Военный сборник», 1869, № 11, сс. 175-176 (цит. по Л. И. Лаврову. Указ. соч., с. 9).

перечислить. К общим чертам относятся, например, смазка плетеных стен жилищ глиной, использование папоротника для покрытия построек, строительство однотипных мостов и хлебных амбаров на высоких деревянных столбах, развитие садоводства и, особенно, виноградарства (в том числе посадка винограда под деревьями, по которым он вился затем наверх), широкое употребление в пищу красного перца и каштана, отгонное скотоводство (овцы, коровы, лошади) при отсутствии стойлового периода, кормление скота зимой на приморских пастбищах, шелководство, развитое кузнечное ремесло, охотничий промысел (у убыхов также было свое божество дичи и охоты) и т. д. и т. п.

Все это и не удивительно при столь близком родстве и теснейших многообразных связях между абхазами и убыхами.

Так, обширная незаселенная равнинная местность Аспана правой стороне нижнего течения Бзыби имела большое хозяйственное значение благодаря своим лесам и роскошным пастбищным местам. Не только князья Инал-ипа, владением которых считалась Аспа, но и почти все окрестные жители пасли здесь свои стада, имели свои зимние стоянки (аабтра), а вблизи Бзыби делали расчистки земель для пашни. Хозяйственные удобства Аспы привлекали сюда не только замчишских жителей, но и соседних садзов (джигетов), даже убыхов и далеких псхувцев. Например, влиятельный садзский князь Ростом Гечба из Псоу покровительствовал здесь над калдахварскими крестьянами Инапха, обеспечивая безопасность стад последних от нападений со стороны садзов, псхувцев и убыхов. «Когда Нарчоу Инал-ипа бежал из Калдахвары на правую сторону Бзыби вследствие гнева владетеля за поддержку им Гасанбея Шервашидзе (сосланного тогда в Сибирь) и нападения владетеля на Калдахвару, причем это селение было сожжено до основания, Нарчоу держался в Аспе 8 лет единственно той поддержкою, которую он имел в Садзене и между убыхами»¹⁰⁴. Занятие русскими Гагры уменьшило влияние джигетов и убыхов на Аспу и вообще на Бзыбскую Абхазию.

В общественной жизни убыхов, как и абхазов первой половины XIX в., еще сильны были пережитки общинно-родового строя, большой семьи и других патриархальных порядков. Например, большое значение имело общее

¹⁰⁴ Проект поземельного устройства населения Сухумского военного отдела, составленный Сухумской сословно-поземельной комиссией. ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, д. 1017, 1869 г., л. 66.

собрание свободных мужчин (ср. абх. ажелар реизара — «собрание родов») и старейшин (ср. абх. аихабыра реизара), причем их решения объявлялись народу глашатаем, взбиравшимся для этой цели на высокое место (ср. абх. даақәгыланы дцәажәеит), то есть «произнес речь, став на какое-то возвышение»). Сильны были еще обычаи трудовой взаимопомощи (ср. объединение абхазских крестьян под названием «кьараз»), экзогамии, кровной мести по отношению к чужеродцам, но не родичам (описан характерный случай, как однажды к царскому военачальнику убыхи привели человека, который убил своего отца, и просили, чтобы его сослали в Сибирь, так как сами они не хотели казнить преступника, очевидно, из-за его принадлежности к роду убитого)¹⁰⁵.

Социальная структура абхазского и убыхского обществ была во всем основном одинаковой. Эту структуру характеризуют наличие рабов (рабыня по-убыхски называлась «хъалайк»¹⁰⁶; ср. абх. «ахулак» — несчастный, обездоленный), крепостных, свободных общинников и знати (кьуашхъа), представленной несколькими привилегированными фамилиями: Аблагу (на Саше), Берзек (верхняя Убыхия и Субешх), Чизымогуа (на р. Псахе), Дзепш (на Вардане) и Хамыш (на р. Хоста)¹⁰⁷, Дишан (устье р. Бзыч), Аткевя (в обществе Субешх, в низовьях р. Шахе).

Вся Убыхия делилась на несколько более или менее значительных сельских общин или обществ с одной или несколькими влиятельными фамилиями в них, причем эти общества в свою очередь состояли из нескольких более мелких единиц. Таковы, например, сел. Эбжноу в верховьях р. Буу (ср. абх. Ебжьноу, проживающих в Гудаутском районе); на этой же реке упоминается и убыхская влиятельная, но не дворянская фамилия Дизаа¹⁰⁸ (ср. абхазскую форму множественного числа на «аа», например, Шамаа, что означает Шамбовцы); сел. Уцуа (Уцкуа) в горах верхней Хобзы (ср. абх. Цкуа, Зкуйа из сел. Джирхва); сел. Бабуково в верховьях Шахе; фамилия Дишан (Дечен) в устье р. Бзыч; сел. (фам) Дзепш (Лоупе); сравнительно крупное общество Вардане (Вордане) состояло из четырех прибрежных селений: собственно Вардане (между рр. Дагомыс и Псахе), Субешх (долина р. Шахе), Хизе (Хобзы, Пшагия) (долина р. Буу) и

¹⁰⁵ Л. И. Лавров. Этнографический очерк убыхов, с. 17.

¹⁰⁶ Там же, с. 19.

¹⁰⁷ Там же, с. 21.

¹⁰⁸ Там же, с. 7 и др.

Псахе; сел. Пёх или Мутыхуаса — местоительство предводителя убыхов Хаджи Дагумоко Берзека, на правом берегу р. Сочи, у впадения в нее р. Агуа (верхн. Убыхия); общество Саше состояло из селений собственно Саше (Соцва) и Хоста; последнее называлось еще Хамышом по имени господствовавшей в нем фамилии Хамыш¹⁰⁹.

С точки зрения общественного развития Убыхия являлась типичной страной, так называемого горского феодализма. В социально-экономическом и политическом отношениях убыхское общество отличалось большей сохранностью ранних, архаических форм по сравнению с более феодализированной Абхазией. Патриархальные традиции и обычаи у убыхов играли, пожалуй, еще более заметную роль, чем у их соседей, в том числе приморских абхазов. Характерную убыхскую пословицу, — «Делай сказанное стариками, а кушай деланное молодыми», следует понимать как одну из важнейших статей действовавшего в народе кодекса обычного права. В отличие, например, от аристократической Кабарды, причерноморских горцев, в том числе, прежде всего убыхов, почти все авторы XIX в. (С. Званба, П. Услар и др.) характеризуют как воинственное демократическое племя воинов и замечательных стрелков со строгой военной организацией.

Война была одним из основных занятий убыхов. Правда, постоянной военной организации у них не было, но каждый мужчина всегда имел при себе свое оружие, ценившееся очень высоко. Право свободного пользования оружием было одним из главнейших устоев того военно-демократического быта, которым они жили в течение веков. Каждый из взрослых убыхов, за исключением женщин и стариков, находился в постоянной боевой готовности для участия в походах. А набег, и походы совершались очень часто. Причем отряд заключал в себе сотни воинов, нередко от 800 до 3000 человек¹¹⁰. Например, в походах убыхов на Абхазию 1825 и 1841 годов принимало участие свыше тысячи человек.

Перед началом похода избирали предводителя (ср. абх. аҕыза). Храбрость и опыт в военных делах — вот необходимые его качества. «Происхождение тут не имеет никакого влияния... Избранный пользуется во время похода безусловным повиновением, и каждый воин, без различия

¹⁰⁹ Будберг упоминает убыхское племя гуая, локализуемое им в горной полосе окрестностей форта Лазарева (АКАК, т. X, ч. II, с. 684).

¹¹⁰ С. Т. Званба. Указ. соч., с. 44.

происхождения, переносит от него терпеливо брань и даже побои, за что в другое время тот же предводитель заплатил бы своею жизнью». Такое повиновение убыхов вождю тем более замечательно, писал далее С. Званба, что «они по настоящее время не признают у себя никаких властей»¹¹¹.

Все необходимое в походе каждый воин должен был нести сам на себе: оружие, лыжи, одежду и съестные припасы, иногда на целый месяц и даже более. Одежда состояла из бурки, башлыка, полушубка, двух-трех пар обуви из сыромятной воловьей кожи, войлочных или суконных носков, а провизия включала пшено, копченое мясо, сыр, масло, перец, соль и тесто, вареное на меду. По прибытии на место ночлега устраивали четырехугольные шалаши, разводили огни, и все до единого ели обязательно вместе. Пищу готовили «кашевары» (ср. абх. ахәу-ҟы, что в переводе означает «приготавливающий пищу») и дровосеки, которые имелись в каждом отделении. Всем одинаково запрещалось иметь собственную прислугу, а также самовольно расходовать продукты.

Предводитель назначал место сбора, куда по его зову собирались все желающие участвовать в походе. Он же производил подсчет воинов, пропуская каждого из них под палкой (так подсчитывают абхазы и теперь своих коз и баранту в горах) или сосчитав количество камушков или кукурузных зерен, присланных от всех частей отряда. Воины каждой деревни составляли отдельную часть со своим старшиной, которая называлась отдельным огнем, как и у абхазов (амцахара) и насчитывала от 10 до 100 человек.

Убыхи делали набеги в каждое время года, но в последнее время обычно только зимою. Непосредственное нападение совершалось ночью, точнее «за полчаса до рассвета», а на месте грабежа оставались менее часа¹¹².

После проверки и осмотра своего отряда предводитель назначал из лучших воинов арьергард и авангард, в котором обыкновенно находился и сам предводитель и который высылал еще от себя вперед трех-четырех человек для осмотра местности (ср. абх. аҭшыхәцәа — наблюдатели, смотрители). Возвращаясь с успешного набега, каждый убых по указанию предводителя давал захваченным врасплох пленным что-нибудь из своей одежды. По прибытии на сборное место выходил старый седой воин и

¹¹¹ Там же, сс. 43, 44.

¹¹² С. Т. Званба. Указ. соч., сс. 50-51.

произносил благодарственную молитву «за дарованную хорошую добычу», за что ему выдавалась из добычи одна из лучших вещей. Приступая затем к разделу добычи, предводитель выбирал для себя одного пленного или пленницу, а из всех награбленных предметов и по одной хорошей вещи. Остальное делилось уже поровну между всеми остальными участниками похода, исключая, однако, кашеваров и дровосеков, причем родственники погибших в бою воинов получали вдвое больше. Для равномерного же распределения пленников отряд делили на столько частей, сколько было всего пленных, и каждая часть получала по одному человеку. Иногда их продавали, чтобы вырученные деньги разделить между собой. Часть добычи предусматривалась также на поминки убитых воинов и выкуп тех, кто попал в плен.

Это описание военного быта убыхов, которое мы набросали по превосходному этюду известного абхазского этнографа середины XIX в. С. Т. Званба «Зимние походы убыхов на Абхазию», во всем основном, а часто вплоть до отдельных деталей и выражений приложимо также и к абхазам. И все-таки редко, пожалуй, можно было встретить у других кавказских народов так строго и четко поставленную организацию военных походов, основанную на вековых традициях и обычае, как это было у убыхов.

Вместе с тем причину склонности горцев к грабежам следует искать не столько в низком плодородии почвы и тем более не в их «неугомонной страсти к приключениям», как писал С. Званба, а в тех, как мы видели, вполне реальных экономических выгодах, которые они, в особенности военные предводители и племенная знать, извлекали из продажи награбленного — прежде всего пленных, а также скота и других ценностей¹¹³.

Военным грабежом убыхи, как и абхазы, занимались не только на суше, но и на море. Они издавна слыли смелыми мореходами и страшными морскими пиратами. В XIX в. они вместе с джигетами также не раз пускали в ход свою флотилию. Например, в начале 1834 года убыхи на нескольких галерах подплыли к Пицундскому укреплению с намерением вырезать гарнизон и ограбить храм¹¹⁴.

¹¹³ Т. Лапинский писал: «...Десять десятых находящихся в Турции рабов привезены из Убыха» (Т. Лопатинский. Горцы Кавказа..., т. I, Гамбург, 1863, с. 99).

¹¹⁴ А.Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч., с. 65.

Убыхов с западноабхазскими горскими обществами объединяло и единство хозяйственных и политических интересов, принимавшее иногда почти форму военно-политического союза против общих врагов. Так, например, в августе 1860 года, когда была организована карательная экспедиция против восставшего горного абхазского общества Псху (причем количество ополчения, состоявшего в основном из милиции абхазских феодалов, доходило до 3 тысяч человек), к повстанцам на помощь пришли убыхи, садзы, ахчипсхувцы, аибговцы, хотя добиться победы им, и не удалось¹¹⁵.

Царское правительство, учитывая тесные политические, экономические, родственные и прочие связи между Абхазией и убыхами, возлагало особые надежды на владетеля Михаила Шервашидзе, принуждая его к определенным действиям против убыхов. Михаил, воспитывавшийся в семье знатного убыха Хаджи-Берзека, имел большое влияние не только на всех видных западноабхазских (джигетских) феодалов — князя Решида Гечба, жившего на р. Псоу, князя Беслангура Аридбея, на дочери которого, не видев ее, он женился в 1829 году (разошелся в 1831 году)¹¹⁶, но и на самих убыхов. В 1841 году двухтысячная абхазская милиция, в том числе 1 500 пеших воинов, во главе с владетелем, принимала, правда, довольно пассивное участие в операциях русского командования, имевших целью покорение убыхов¹¹⁷.

V

Было бы весьма интересно провести подробный историко-сравнительный анализ данных абхазо-убыхской этнографии. Здесь же можно будет пока указать лишь на несколько идентичных или сходных обычаев.

Это, прежде всего аталычество. Французский наблюдатель А. Фонвиль, который в начале 60-х годов XIX в. жил среди убыхов (гостил у знатного представителя этого племени Измаилбея в обществе Вардан), рассказывает о большом аульном празднестве, связанном с обычаем аталычества.

¹¹⁵ АКАК, т. XII, ч. II, сс. 861-865.

¹¹⁶ АКАК, т. IX, ч. I, с. 180.

¹¹⁷ Г. Филиппсон. Указ. соч., с. 215.

Вот что он пишет: «По древнему, укоренившемуся в стране обычаю, когда у какого-нибудь начальника рождался сын, то черкес менее благородный, для того чтобы породниться с отцом новорожденного, похищал этого последнего и честь воспитания ребенка принимал на себя. Семейство новорожденного в этих случаях уже и не вспоминало о ребенке до тех пор, пока он не достигал семи или восьмилетнего возраста; тогда, обыкновенно, одетого в роскошный костюм, ребенка возвращали с большою церемониею его отцу. Мальчик, возвратившись, домой, садился на лошадь и, сопровождаемый несколькими друзьями, объезжает страну, приглашая всех принять участие в празднестве, которое дается в честь его. Мы тоже были приглашены ... Мы видели, что в аул Измаил-бея приезжали двенадцать всадников в парадных костюмах и что между ними мальчик, одетый в черкесский плащ из ярко-красного сукна, вышитый по всем швам серебром. К немалому удивлению нашему мы заметили на нем саблю, ружье и пистолет, все чрезвычайно оригинально убранный и тщательно прилаженный к его маленькой фигурке... Праздник начался тем, что один всадник с зеленым значком в руке скакал, преследуемый сотнею своих товарищей, старавшихся вырвать у него из рук флаг. Всадник кидался во все стороны небольшого плато, на котором и мы находились, и употреблял всевозможные уловки, чтобы сохранить у себя трофей. Несмотря, однако, на все увертки и изменения направлений, значок был у него отнят, и похититель, в свою очередь, делался предметом всеобщего преследования.... К толпе, исключительно состоявшей вначале из молодежи, присоединилось несколько стариков с седыми бородами, привлеченных всеобщим одушевлением. Во время этой джигитовки всадники время от времени стреляли в воздух, так что в продолжение целого дня слышна была непрерывная пальба»¹¹⁸.

Описанное здесь аталычество и связанное с ним народное празднество, в том числе головокружительные скачки, вплоть до мелких подробностей находят себе свои аналогии в абхазском старинном, ныне еще не совсем забытом обычае скачек под названием «атарчей», связанном, правда, у них с поминками.

¹¹⁸ А. Фонвиль. Последний год войны Черкессии за независимость. 1863-1864 гг. Из записок участника-иностранца. Краснодар, 1927, сс. 13 -14.

¹¹⁹ Г. Фогт. Указ. соч., сс. 61 – 62.

Шапсуги, например, жители аула Большой Кичмай Сочинского района, ближайšie соседи бывшей Убыхии до сих пор пользуются «вторыми ногами»: переходят горный поток на ходулях под названием «пхэлако» - деревянные ноги. Абхазы также искусно умели пользоваться точно такими же ходулями под названием «алабахуа». Несомненно, их знали и убыхи. У убыхов, как и у абхазов, мы встречаем и обычай ночного дежурства у постели больного или раненого под названием «чапша». Этот обычай сопровождался играми, танцами и песнями¹¹⁹.

В рассказе «Песня о больных», записанном Г. Фоггом, мы читаем, что в прошлом, когда убыхи воевали в Черкессии и раненых отсылали, у них была игра-песня, которую они называли «чапша» (ĉ´ а: рś´ à; ср. абх. «ачапшьара» - коротание ночи у постели больного с забавными играми и весельями). Они собирались вокруг раненого, убивали животное и пели песню «чапша»:

Из маленькой деревни отправилось
Много знатных всадников,
Уарайдара, уара, уарайдара;
Моему бедному мужу,
Иауарада,
Я сшила семь пар обуви.
Уарада-ра, уарайдара, иауарада;
Посмотрев на кучу,
Иауарада,
Он выбрал одну пару,
Уарада-ра, уарайдара, иауарада;
Остальные шесть,
Иауарада,
Накормили нашу старую собаку;
Идя в конюшню,
Иауарада,
Я выбрала хорошо упитанную лошадь,
Возвратившись в дом,
Иауарада,
Я положила на коня золотое седло;
Я усадила на него моего бедного мужа,
И я вывела его со двора,

Когда я посмотрела вслед на беднягу,
Иауарада,
Прохожие не давали ему – увы! – прямо проехать;
Если в этом виновата лошадь,
Иауарада,
Пусть она будет посажена на острый кол,
Если же в этом будет виноват мой муж,
Пусть он будет посажен на острие моих ножниц¹²⁰.

Обратимся к параллелям из области фольклора. Возьмем древний нартский эпос, являющийся общим памятником духовной культуры коренных народов Западного Кавказа (абхазов, убыхов, всех черкесов, осетин и др.).

Убыхские нартские сказания, как правило, всегда являются эквивалентами соответствующих абхазских преданий.

У убыхов с абхазами общими являются не только термины «нарт» и главнейшие нартские герои, которые встречаются и в других национальных версиях эпоса – Сатаней (убыхск. Сатания), Сасрыква и др., но и такие эпические персонажи, которые не имеются или не характерны у других народов – Гунда Прекрасная, Нарджхьюу (убыхск. Ерешхау), Хважарпыс (убыхск. Хуазерпиш)¹²¹. Причем имена эти почти тождественны между собой как по содержанию, так и по своему фонетическому оформлению (например, Гунда-Пшдза на обоих языках означает Гунду Прекрасную).

Полное совпадение наблюдается и в некоторых сюжетах нартских сказаний. Так, например, абхазское сказание о сватовстве героя Нарджхьюу к Гунде почти совершенно тождественно с соответствующим убыхским рассказом об Ерешхау, Хуазерпише и Гунде-Пшидзе, записанном в 1955 году в Турции Ж. Дюмезилем и А. Намитком со слов тех пятнадцати убыхов одной деревни, которые еще пользуются своим языком как разговорной речью¹²².

В одном абхазском (или абазинском) рассказе, записанном на убыхском языке также Ж. Дюмезилем в 1960 году в Турции, выведен герой по имени

¹²⁰ Г. Фогт. Указ соч., с. 58.

¹²¹ Там же, сс. 61 – 62.

¹²² Ж. Дюмезиль и А. Намиток. Убыхские рассказы. Выдержки из журн. «Азиатик», «Париж», 1955, сс. 38, 39 (на фр. яз.).

Сын Белого (Сакуа) Большие Уши. По всей вероятности, Сакуа (Саква) представляет собой искажение имени Сасрыква (Саусрыква). В рассказе повествуется о борьбе Саквы с властелином в лесу под названием Пшадза. В нем великан, как и в соответствующем абхазском сказании, выполняет различные задания, в частности, загоняет гигантское колесо на большой холм, ударяя его своим боком, но, в конце концов, безрассудно дает сковать себя льдом (правда, некоторые уловки героя не имеют соответствий в других вариантах поединка Сасрыквы со своим страшным врагом).

В 1955—1956 годах Ж. Дюмезиль и А. Намиток записали в Турции рассказ и об «убыском Прометее»¹²³, который, надо полагать, представляет собой один из самых западных вариантов знаменитой абхазской легенды об Абрскиле.

Удивительные совпадения мы находим в форме абхазских и убыхских присказок. Вот, например, как кончается убыхская сказка «Красногрудка» в записи Г. Фогта: «Я сам ходил в деревню Чанча. Там был большой праздник. Я принял в нем участие. Там танцевали и ели. Мы ели, пили, и когда я уходил, мне дали полголовы. Я ее взял с собой и ушел, желая ее принести тем, кто слушает мою сказку. Но одна злая собака преградила мне дорогу и, так как я не мог пройти, я ей дал полголовы. Я прошел и возвратился к себе. Вот и сказки конец. Вчера я ушел, сегодня возвратился»¹²⁴.

Ближайшее родство убыхов с абхазами проявляется и в такой области, как психологический склад и эстетические воззрения. Целый ряд явлений народного искусства — песни, танцы, музыкальные инструменты — являются у них сходными или даже идентичными.

Так, полностью совпадает песенный рефрен: «уарайда, уара, уарайдара, иаурада; уарада-ра, уарайдара, иаурада»¹²⁵. Согласно описанию Дж. Белла, скрипка приморских черкесов и убыхов почти идентична абхазской «апхьарце». По словам старого абхаза Хозы Ампар из сел. Калдахвара, около середины XIX в. абхазы, жившие в районе Гагра, на почве пограничных споров затеяли войну с убыхами, которые жили тогда в местности Экирхан (совр. Лазаревское). К гагрцам пришли на помощь гудаутские и сухумские абхазы. Последние, возвратившись в свои края после победоносной войны,

¹²³ Г. А. Климов. Указ. соч., с. 243.

¹²⁴ Г. Фогт. Указ. соч., сс. 37-38.

¹²⁵ Там же, с. 58.

пели песню, которую они услышали и, вследствие ее близости к родным напевам, сразу легко усвоили от пленных убыхов¹²⁶.

Общим или весьма сходным является и танцевальное искусство абхазов и убыхов, прежде всего танец на пальцах ног и круговой танец, который Белл наблюдал на народном празднестве в обществе Джубга в 30-х годах XIX в. А. Фонвиль так описывает танец убыхских девушек: «Танцовщицы эти, держа в каждой руке по фуляру, с необыкновенной грацией махали платками, изгибаясь всем станом в такт довольно монотонного напева, исполняемого всеми присутствующими. Напев этот, весьма оригинальный, сопровождался битьем в ладоши»¹²⁷.

У нас здесь нет возможности останавливаться на многочисленных параллелях по линии религиозных верований. В общем виде укажем хотя бы на такие разительные факты сходства, как полное совпадение имени главного божества этих народов (убыхск. «нцэа», абх. «анцэа»); вероятная общность описанного выше садзско-убыхского каменного алтаря и всего связанного с ним сложного культово-общественного комплекса; одинаково высокое почитание крестов, священных деревьев и рощ, которые одновременно служили также местами торжественных и деловых собраний и сходов¹²⁸.

VI

В каком взаимоотношении находятся язык и мифология современных зарубежных абхазов и убыхов? Этот вопрос, о котором говорилось частично

¹²⁶ К. В. Ковач. 101 абхазская народная песня. Сухуми, 1929, с. 13.

¹²⁷ А. Фонвиль. Указ. соч., с. 14.

¹²⁸ В трагические дни перед самым выселением, когда убыхи навсегда покидали свои любимые горы, они часто устраивали долгие и полные драматизма собрания у своего **кунацкого** дерева на р. Сочи. Вот что рассказывает А.В. Верещагин о своей прогулке, которую он совершил 27 июля 1870 г. вверх по р. Сочи для осмотра этой знаменитой белолистки (род серебристого тополя): «После шестой переправы глазам моим представилась обширная поляна, полукругом окаймленная лесистым кряжем гор; на ней одиноко, но величественно стояла белолистка – цель моей поездки. Издали она казалась громадных размеров, свежее и сплошь покрытое листьями. Ствол белолистки, по измерению на высоте 2,5 аршин от земли, оказался в окружности 17 ³/₄ аршина, окружность же ствола у самой земли более 20 аршин». В другом месте автор указывает, что описанная белолистка «приобрела известность как дерево кунацкое и как пункт, где, как рассказывают, черкесы из племени убых, живших в окрестностях Сочи, держали свой последний совет перед выселением их в Турцию» (А. В. Верещагин. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874, стр. 41, 54). По словам того же автора, посредине поляны Кбааде (совр. Красная Поляна), где издавна проживало большое горное абхазское общество гунбовцев, «стояла одинокая и мрачная пихта, довольно уже старая, которая, нет сомнения, была священной у горцев» (там же, с. 70).

и выше, заслуживает более подробного освещения, насколько позволяют имеющиеся на сегодня довольно скудные источники¹²⁹.

Около сорока лет французский ученый, профессор Ж. Дюмезиль занимается изучением кавказской филологии — языков и фольклора убыхов, черкесов и абхазов, проживающих со второй половины XIX в. в Турции, и по этой тематике им написан целый ряд работ. Главными источниками, из которых исследователь черпает необходимые материалы, — это живые носители названных языков. При этом он опирается главным образом на людей, которые одинаково пользуются одним или даже двумя-тремя родственными языками, как своим родным языком — абхазским, убыхским, черкесским. И таких информаторов Ж. Дюмезилю посчастливилось найти несколько человек.

Так, последние 10 лет он публиковал убыхские тексты «двужычников», то есть одинаково хорошо владеющих убыхским и черкесским языками. Этими «двужычниками» являются два убыха по происхождению — один по имени Ильяс, с которым проф. Ж. Дюмезиль начал работать еще 37 лет тому назад, а другой — Тефик Есендж. Последнему особенно много обязан как французский, так и другие исследователи языка убыхов (норвежский лингвист Г. Фогт).

Проверочное редактирование убыхских текстов осуществлялось при помощи двух черкесов, для которых черкесский язык является родным. Один из них жил в Турции, потом в Сирии, затем в доме фонда Толстого под Парижем и, наконец, уехал в Нью-Йорк, а другой изучал в Париже статистику. Первого Ж. Дюмезиль посещал в течение 3-х лет два раза в неделю, а второй 4 года был его постоянным сотрудником. Кроме того, к своим последним публикациям на убыхском языке автор приложил черкесские версии — кемиргойские Кубе Шабана и кабардинские Андемира Ашкина. «Благодаря этим версиям, — пишет Дюмезиль, — для сравнения убыхского языка с двумя разновидностями родственного ему языка в настоящее время имеется обильный и разнообразный материал, в котором различия заметны также четко, как и соответствия».

После таких многолетних интенсивных работ по сборанию и изучению текстового и прочего материала по убыхскому и черкесским языкам, автор

¹²⁹ Ж. Дюмезиль. Анатолийские документы о языках и традициях Кавказа. V. Абхазские этюды. Париж, 1967.

переходит к другому языку этой группы — абхазскому. «Над изучением этого языка, — пишет он, — я работаю вместе с Зюлькюфом Хас вот уже около 10 лет»¹³⁰. Дюмезиль считает, однако, что для сравнения на месте убыхского языка с абхазским обстоятельства не были благоприятными. Он пишет, что в двух деревнях — Хаджи Осман Кёй и Хаджи Якуб Кёй — имеется достаточное количество убыхов — около 30 человек, — чтобы разговаривать на своем убыхском языке, но и они двуязычны, так как свободно знают и черкесский язык, как и в других местах. Следовательно, их двуязычие носит такой же характер, как и Тефика Есенджа: убыхский и черкесский. Но, указывает далее ученый, так было не всегда. «Дедушка Тефика по материнской линии Ибрагим, родом из эмигрантов... говорил по-убыхски и по-абхазски, но не по-черкесски. Но среда в этих двух деревнях была в основном чисто черкесская, и период жизни двух поколений оказался достаточным, чтобы исчез вспомогательный язык, ставший ненужным»¹³¹.

Только в 1958 году в другой области, на южном берегу озера Сапанча, где Дюмезиль начал свои исследования еще в 1930 году, он смог встретить одну женщину, владеющую абхазским и убыхским языками, и даже двух людей, говорящих одинаково хорошо на трех языках — абхазском и убыхском языках и на одном из западно-черкесских диалектов. Но один из них по имени Чизамгва Хюсеин-бей из Киркпинара, которого Дюмезиль знал с 1930 года, умер. Ханума Хандан из Машукие, знающая два языка, в 1960 году помогла ему перенести на убыхский язык сотни пословиц из книги Д. И. Гулиа и два абхазских текста из предыдущих публикаций (впрочем, замечает он, ее убыхский язык не был вполне безупречным). Больше содействия французскому лингвисту оказал владеющий тремя языками Хаджи Хусейн из Курт-Кёя, входящего в большую деревню Яник у Киркпинара. «Он перевел многие тексты Зюлькюфа на такой убыхский язык, в котором Тефику пришлось мало что изменить»¹³². Дюмезиль работал с ним два летних периода и восхищался им, как и Тефиком, видя, как из его уст свободно и легко выходили соответствующие убыхские и черкесские эквиваленты времен, превербов, частиц и аффиксов абхазского глагола, или же в обратном порядке — абхазские эквиваленты оборотов и форм, свойственных

¹³⁰ Ж. Дюмезиль. Указ. соч., с. 2.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же, с. 3

убыхскому языку. Но смерть Хаджи положила конец этому плодотворному сотрудничеству.

Наконец, в окрестностях Стамбула пожилая женщина, знающая три языка, по имени ханума Азиз, убыхка по происхождению, согласилась быть информатором Дюмезиля. Но она говорит не на том диалекте, которым пользуется исследователь, а на другом абхазском диалекте, являющемся ее основным языком, к тому же недостаточно хорошо владеет убыхским и черкесским языками. Дюмезиль пишет, что «ее абхазский диалект принадлежит к диалектам, различающим две серии шипящих губных звуков. В ее понимании фонемы, которые меня так затрудняли при изучении убыхского языка (s° , z° , \check{s}° , \check{z}°), совершенно идентичны, как это кажется и мне. Я не надеюсь найти других двуязычных людей»¹³³.

С 1961 года Дюмезиль работал в Стамбуле. Туда он часто приглашал Зюлькюфа и Тефика Есенджа, причем последний переводил на убыхский язык абхазские тексты, которые предварительно были продиктованы исследователю Зюлькюфом Хас. «Не имея дословного перевода, — пишет Дюмезиль, — я, тем не менее получал версии на правильном убыхском языке, передающие почти все оттенки содержания оригинала»¹³⁴.

Свою работу «Абхазские этюды» автор рассматривает как значительный труд в серии предварительных работ, которые он считал необходимым завершить прежде, чем начать работу над грамматикой убыхского языка, которую он стремится изучить в сравнении с грамматиками родственных языков — абхазского и черкесского в двух его разновидностях: адыгского (западно-черкесского) и кабардинского (восточно-черкесского). При этом автор предупреждает, что предстоящее фундаментальное исследование по убыхской грамматике, в которой будет несравненно больше фактического материала и меньше ошибок, должны заменить собой ранние устаревшие работы автора, а именно: «Язык убыхов» (1931 г.) и «Сравнительный очерк языков Северо-Западного Кавказа» (1932 г.).

Книга «Абхазские этюды» начинается с общего описания говора основного информатора автора по абхазскому языку - Зюлькюфа Хаса (по метрике Зюлькюфлю Хаса). Это 40-летний абхазец, который в настоящее время служит в муниципалитете Стамбула, родом из деревни Юзункаорман,

¹³³ Ж. Дюмезиль. Указ. соч., с. 3.

¹³⁴ Там же.

вилайет Сакариа (район Адапазари). Он сообщил Дюмезилю, что говорит на бзыбском диалекте, что подтверждается и некоторыми чертами фонетического, и морфологического характера. «Впрочем, он полагает,— пишет автор,— что в абхазском языке, собственно говоря, нет диалектов; по его мнению, есть лишь люди, которые говорят правильно, — это и есть бзыбский язык, а другие говорят на диалекте бозук или каба, то есть на испорченном или народном языке»¹³⁵.

После предисловия, из которого заимствуются в основном эти сведения, и краткого грамматического очерка абхазского языка на 35 страницах, в книге даны 11 текстов на двух, трех или четырех языках — абхазском, убыхском, адыгском и кабардинском, а также в переводе на французский язык. Только текст № 11 дан на одном абхазском языке, так как он очень близок к ранее опубликованному автором рассказу на черкесском и убыхском языках.

Оригиналы этих текстов, за редким исключением, абхазские. К ним приложены версии на убыхском, западно-черкесском и восточно-черкесском языках. А когда оригиналом является убыхский текст (№ 3), то и к нему автор дает абхазский и черкесский варианты. После всех вариантов идут примечания, причем примечания к абхазским текстам более развернутые, и они помогают использовать данные грамматического очерка. Все слова первых пяти текстов и примечания автором подвергнуты анализу по составляющим их элементам с применением принятых им условных знаков. Переводы выполнены по оригиналу и дословно.

Книга кончается описанием поправок к II — III томам «Анатолийских материалов» Ж. Дюмезиля. Поправки эти по поручению автора и при сотрудничестве Тефика Есенджа выполнены другом Дюмезиля — Жоржем Шарашидзе, профессором школы живых восточных языков, который с 1963 год также занимается изучением абхазо-адыгских языков. С этой целью в 1965—1966 годах он жил в Турции и работал там с местными абхазами и черкесами. Профессор фольклора Анкарского университета Пертев Н. Баратов снабдил все тексты фольклорными указателями. «Зюлькюф колеблется, - пишет Дюмезиль, — когда у него спрашивают о происхождении этих рассказов. Мне кажется, что за исключением текстов 1, 3, 10 и 11, ни

¹³⁵ Ж. Дюмезиль. Указ. соч., с. 4.

один из них не является чисто кавказским. Это — турецкий фольклор в абхазском переложении»¹³⁶.

Как сказано, наряду с широко распространенными у многих народов мотивами и сюжетами, в записанных Ж. Дюмезилем абхазских текстах встречаются и отдельные оригинально-абхазские фольклорные сюжеты. Таков, например, рассказ под названием «Умная девушка» (текст XI), посвященный теме предбрачного испытания, причем существует и близкий к нему убыхский вариант.

Кроме того, в авторских комментариях к этим текстам можно подчеркнуть некоторые, правда, не очень значительные, но все же ценные сведения о прошлом и настоящем турецких абхазов, в частности, о их этнографическом быте. Некоторые стороны этого быта подверглись все-таки не столь радикальным изменениям, несмотря на столетие со дня выселения и исключительно неблагоприятные условия для развития их национальной культуры.

В этом смысле характерен следующий эпизод, о котором сообщается Ж. Дюмезилем в его книге. Говоря об условиях фиксации предания «Дагуа-ипа Закарейя» (текст III), автор пишет: «Однажды октябрьским вечером 1961 года Тефик Есендж и я были приглашены к Зюлькюфу Хас, который хотел нас представить своим родителям. Его отец передал этот рассказ по-турецки, но на следующий день он отказался продиктовать его мне по-абхазски, считая, что он неприличен и что если представители племени Ман, которых много в абхазских деревнях области Хендек, узнают об этом, то это вызовет вражду с их стороны. Тефик этого не побоялся, и спустя несколько дней, он продиктовал его мне на убыхском языке. Впоследствии Зюлькюф согласился перевести его с убыхского на абхазский под контролем Тефика не ручаясь за точность» (фотокопию этого текста см. на предыдущей странице).¹³⁷

Читая «Абхазские этюды», поражаешься тому, насколько мало изменился и сам родной язык турецких абхазов. Достаточно сказать, что во всех одиннадцати абхазских текстах общим объемом свыше 30 печатных страниц лишь единичные слова и термины могут быть непонятными современному читателю-абхазу из Советской Абхазии. Это свидетельствует о сравнительной значительности количества говорящего на нем населения, не

¹³⁶ Там же, с. 6.

¹³⁷ Ж. Дюмезиль. Указ. соч., с. 74.

потерявшего свои национальные особенности, и о необычайной живучести и консервативности языковых форм, которые не легко поддаются радикальным изменениям даже в неблагоприятных условиях и сохраняются в течение столетий.

* * *

Изложенные факты, количество которых можно было бы значительно увеличить, с несомненностью свидетельствуют не только о тесных социально-экономических и политических связях убыхского народа с его юго-западными соседями, но и о том, что убыхи, обладая бесспорной этнической индивидуальностью, о чем говорит, прежде всего, наличие у них самостоятельного языка, исключаящее встречающееся в литературе отождествление их с абхазскими¹³⁸ или адыгскими племенами, проявляли вместе с тем большую этно-культурную близость именно к абхазам в единой абхазо-адыгской группе родственных народов.

Однако здесь были коротко рассмотрены лишь убыхо-абхазские взаимоотношения. Для более же полного научного определения того места, которое занимали убыхи в разные периоды своей исторической жизни между родственными народами, необходимы дальнейшие всесторонние исследования, в том числе детальное изучение убыхо-адыгских культурно-исторических связей.

© Джигетский сборник. Международная Академия «Абаза». Вып. 1, Москва, Изд-во «АКВА-Абаза», 2011.

Перепечатано из кн. Ш. Д. Инал-Ипа. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухум, 1971.

¹³⁸ Н. Альбов на основе расспросов хакучей, которые были ближайшими соседями убыхов, приходит к выводу, что последние по происхождению относятся к одному из абхазских племен, только сильно подвергшихся черкесскому влиянию (Б. Карташев, В. Картешева. След на песках времени. М., 1969, с. 24).